

ОКЕАН

(17-18-19-20-21-22-23-24-25-26-27)

ДЕКОМПРЕССИЯ

Владимир
МАХОВ

«КРЫЛОВ»

Океан

Владимир Махов

Декомпрессия

«Крылов»

2014

Махов В.

Декомпрессия / В. Махов — «Крылов», 2014 — (Океан)

ISBN 978-5-4226-0240-7

Если ты решил стать дайвером (собирателем океанских трофеев), готовься к встрече с теми, кто выращен для охраны морских сокровищ. И кто знает, чем закончится очередной поход. Падёшь ли ты жертвой несчастного случая, подставят ли тебя подлые товарищи или дотянутся кровавые щупальца. После Нашествия инопланетян жизнь человечества превратилась в хождение по минному полю. Правда, иногда смельчакам выпадает награда. Продукты внеземных технологий, биоминералы и невиданные организмы становятся чудесными артефактами, за которые можно рискнуть головой. В книге рассказывается полная немыслимых морских приключений история одного из лучших дайверов и навигаторов, которого заставили отправиться в самую жуткую часть Океана для выполнения невыполнимой миссии. Дойти невозможно, а не дойти нельзя...

ISBN 978-5-4226-0240-7

© Махов В., 2014

© Крылов, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
1	7
2	12
3	16
4	22
5	26
6	32
7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Махов

Декомпрессия

© Махов В., 2013

© ИК «Крылов», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Черное небо без звезд. И ослепительный диск луны, плавающий в абсолютной темноте. Человек брел по мелководью, с трудом передвигая ноги. Как загнанный, загипнотизированный светом фар зверь не в силах свернуть с освещенной полосы, так и человек шел по лунной дороге, не сворачивая. Он переставлял ноги, выдергивая их из вязкого плена песка. Человек не видел берега, не знал, сколько еще осталось пройти.

Лунные блики осколками стекла стыли на воде. Мужчина шел, окуная ноги в сверкающую рябь. Он давно перестал думать о боли в правой ноге, о крови, что размытой полосой тянется следом. Его не занимал вопрос о том, что он будет делать, когда привлеченные запахом, со всех сторон подтянутся голодные твари. Он перестал думать вообще.

Слева по курсу мелководье внезапно вспучилось пузырем. Огромный, он надулся выше человеческого роста. Когда шар лопнул и мгновенно испарившаяся вода облаком рванулась в поднебесье, человек не дрогнул. Он продолжал переставлять ноги, лишь немного отклонившись от выбранного курса, чтобы обогнуть пласт спекшегося от высокой температуры песка.

Потерялись небо и земля. Лунные блики заполнили все пространство. Человека срубило на половине шага. Поднимая ногу, он успел заметить, как стремительно водная гладь понеслась ему навстречу. Путник упал лицом в воду. И тут же, захлебнувшись, пришел в себя. Неимоверным усилием он опрокинул себя на спину. Боль в спине была оглушительной, лишавшей сознания. Человек оттолкнулся от нее, как от морского дна, где его ждет только смерть. И в голове прояснилось.

Медленно, боясь опять потерять сознание, человек подтянул ноги, перекатился на бок и встал на четвереньки. Почему он не упал, когда с великим трудом ему удалось обрести равновесие, осталось для него загадкой. Но так было.

Внезапно послышался низкий гул, словно путник угодил под действие высоковольтной линии электропередач.

– Догнал, сука... – выдохнул человек.

Он медленно обернулся. За ним никого не было. Только по воде, будто брошенный чьей-то рукой, бесчисленное количество раз прыгал шальной камень. Человеку опять повезло – смерть просвистела мимо, обдав его потоком холодного воздуха.

Он сделал еще десять трудных и долгих шагов, прежде чем буквально лбом уперся в каменистую стену грота. Ноги подогнулись и он упал на камни. В голове появилась мысль, которой он всегда боялся.

Выжил. Он выжил. Ему снова повезло.

Часть первая

1

Двухпалубная моторная яхта класса «люкс» прочно сидела на мели. Утренний туман рассеялся. Пробоина в носовой части, отчетливо проступившая сквозь белесую дымку, сомнений не оставила: начавшийся прилив станет последним для шикарного морского судна. Поднявшаяся вода снимет с мели двадцатипятиметровую красавицу и она благополучно упокоится на глубине.

Маньяк рассматривал в бинокль потерпевшее крушение судно не менее часа. Откуда взялась яхта, как умудрилась вписаться в узкий пролив бухты, его не интересовало. Он знал только одно: исследовать ее на глубине с аквалангом в его планы не входило. Эта мель, расположенная почти в центре бухты, единственная. Со всех сторон ее окружала глубина, доходящая местами метров до тридцати. А то и больше. Кто считал? Да и вряд ли возможны такие подсчеты.

Еще вчера вечером яхты не было, а сегодня она появилась ниоткуда. Но это были частности. Такие вот загадочные объекты, появившиеся хрен знает откуда и через некоторое время исчезающие хрен знает куда, представляли настоящий подарок для опытного дайвера. А Маньяк был не из тех, кто упускает добычу, плывущую в руки. Вот только по зубам ли ему придется этот лакомый кусочек? Сей непростой вопрос Маньяк и пытался решить для себя в течение часа, придирчиво и дотошно рассматривая судно.

Мертвая красавица молчала. По высоким бокам ниже ватерлинии били волны. На борту, ближе к носу, чуть выше пробоины синела надпись. «Callisto». Новенькая, с иголочки, яхта скрывала свои тайны от посторонних глаз. Ни звука, ни движения. Только плеск волн. И приглашающе опущенный трап, последней ступенькой касающийся воды. Вполне возможно, смерть затаилась, выбросив кости на счете пять-шесть.

Твой ход, дайвер.

Маньяк отложил бинокль, убрал его в рюкзак. Осторожно сполз в расщелину между скалами. Выверяя каждый шаг, спустился по камням к воде. Сдернул рюкзак, вложил его в неглубокую трещину, змеившуюся в скале на уровне его лица. Потом застегнул молнию на костюме, лишний раз проверил, плотно ли сидят ботинки для дайвинга. Вроде бы все: биатлонный ремень, надежно пристегнувший двухсредный автомат АДС к спине, запасной рожок, фонарь и неизменный нож в гнездах на поясе. Ничего лишнего. После этого дайвер надел очки, продышался и ступил в серую пенную муть.

Глубина начиналась сразу, без всяких прелюдий. До яхты было метров пятьдесят, не больше. Маньяк рассчитывал одолеть расстояние в два приема. Его лысая голова, поплавок возникшая на поверхности, вряд ли способна привлечь ненужное внимание. Конечно в том случае, если двухпалубная красавица, терпеливо выжидая, не готовила ему сокрушительный нокаут.

Мощно оттолкнувшись от скалы, Маньяк ушел под воду и некоторое время плыл, не двигая руками, стараясь максимально использовать силу толчка. Несмотря на то, что солнце не угадывалось за серой пеленой, видимость была хорошей. Если и готовился «сюрприз», то не в воде. Ни рыб, ни медуз, ни прочей живности. Пусто. Лишь внизу, под ним постепенно сгущалась темнота бездны.

Оттуда, из непроглядной, пугающей тьмы, метнуться вверх могло что угодно. От гипертрофированной мурены, по размерам уступающей разве той самой яхте – предмету вождельний Маньяка. До акул. У кровожадной твари ко всем прочим достоинствам, и так снискавшим дурную славу, добавился гибкий позвоночник, что сделало ее практически неуязвимой. Огром-

ная, верткая, текучая в воде подобно «серебряному дождю», она легко перекусывала пловца пополам. Разговор с монстрами для такого вот одиночки оказывался коротким до невозможности. И последнее слово оставалось не за ним.

Нет, глубоководных тварей Маньяк не боялся. Вернее, у него не хватило бы времени для страха. Пугаться следовало тех, кто пользовался единым с людьми водным пространством. Это и... Но об этом позже.

Маньяк вынырнул на поверхность, снизу напоминающую тонкий слой разлитого металла. Он сделал несколько вдохов, чтобы отдышаться, потом набрал воздуха и ушел под воду, бросив последний взгляд на значительно приблизившуюся яхту. Ему повезло, он отклонился от курса незначительно. Чуть левее, метрах в двадцати, призывно маячил трап.

Уже через минуту, без происшествий одолев расстояние, отделяющее его от судна, Маньяк вынырнул у самого борта и ухватился рукой за поручень. Он снял очки и некоторое время держался на поверхности, восстанавливая дыхание. По-прежнему царила тишина, нарушаемая лишь плеском волн.

Подтянувшись, дайвер медленно поднялся по трапу, прислушиваясь к каждому звуку. На последней ступеньке он застыл, готовясь дать обратный ход. Было тихо.

То, что Маньяк увидел, не понравилось ему лишь на первый взгляд. Внутри белоснежная красавица походила на побитую жизнью шлюху. Палуба почти не угадывалась за плотным слоем грязно-бурых водорослей, покрытый плесенью трап вел в темноту люка, к каютам. В трещинах на стенах – темные, истекающие влагой, ютились моллюски. Глубокие царапины на некогда роскошном кожаном диване, окаймляющим корму, разошлись, и, подобно ранам на теле человека, обнажили гниющее нутро, заполненное белесыми червями. Грязь, ветхость, запустение. Складывалось впечатление, что спящая «красавица» пролежала под водой лет десять, пока в один прекрасный день неизвестная сила не вышвырнула ее на поверхность. Заодно и дочиста отполировав снаружи.

Приманка. Для мыши, что сейчас ступила на палубу, сжимая в руках АДС. Маньяк прищурился, рассматривая трап, ведущий к каютам. По закону подлости, бесплатный сыр должен находиться там. Чутье подсказывало, что так и есть. Что стоящая вещичка, которую прятала потрепанная красавица, там и скрывалась. В худшем случае, в глубине трюма. И расстояние до нее измерялось одной единственной единицей. Его жизнью.

Маньяк вздохнул. Оставим сыр на закуску. Для начала следовало ознакомиться с механизмом мышеловки.

Соблюдая осторожность, Маньяк скользнул по правому борту, взялся за грязный поручень трапа и поднялся вверх. Верхняя палуба, где размещалась рулевая рубка, была девственно пуста. В разбитые окна падал свет, выделяя мягкий рисунок на красном дереве, которыми были отделаны стены. Больше для того, чтобы оттянуть момент, отделяющий его от темноты трюма, чем в надежде найти что-нибудь стоящее, Маньяк спустился на палубу, обошел яхту, задержавшись на носу. Отсюда скала, окружающая бухту, казалась особенно значительной и неприступной. Вряд ли найдется смельчак... Скорее, смертник, решивший сигануть с двадцатиметровой высоты вниз. Лишь немногие посвященные, к которым Маньяк относил и себя – первооткрывателя – знали о наличии той самой расщелины, что вела к самой воде.

Маньяк включил фонарь и постоял у трапа, ведущего в полутьму. Он пристально рассматривал все, до чего мог дотянуться луч. Когда свет отразился от чего-то стеклянного, дайвер прищурился. Какой-нибудь осколок стекла, не все же смыла вода?

Внимание, девочки и мальчики, пристегнитесь. Время детских развлечений истекло, приготовьте билетик для экстремальных аттракционов. Маньяк взял фонарик левой рукой, правой перехватил автомат, держа палец на спусковом крючке, и стал медленно спускаться. Тошнотворный запах накрыл его удушливой волной прежде, чем дайвер увидел лежащего на спине человека. Маска на лице, загубник, оборванный шланг, ведущий к аквалангу.

Маньяк дернулся, едва не начав стрельбу. Только зоргов ему сейчас и не хватало! И тут же понял, что ошибся. Человек был мертв. Давно. Тело его раздулось. Сквозь дыры в костюме сочилась гниющая плоть. Некстати вспомнился кожаный диван, что стоял на корме. Маньяк чертыхнулся, сойдя с последней ступеньки. Он понял, почему принял мертвеца за зорга. С трупом происходили те же странности, что и с яхтой. Судя по состоянию тела, аквалангист был мертв ни один месяц, но лицо... Абсолютно не тронутые тлением глаза – огромные, с расширенными зрачками – отчетливо виднелись в маске. И губы. Синие, покрытые сетью трещин, с запекшейся кровью, продолжали удерживать загубник дыхательного шланга.

Луч фонаря скользнул по трупу, по стенам, по потолку и, не задерживаясь, нырнул в ближайшую каюту. Маньяк медленно двинулся по коридору, обходя труп. Каюты за каютой. И ничего интересного. Грязная, забитая моллюсками мебель, слой водорослей, матово блестящий на стенах.

Дайвер задержался на подступах к люку, ведущему в трюм, и, скорее для очистки совести, повел фонарем в сторону кубрика. То, от чего отразился луч, буквально ослепило его. Маньяк прищурился от блеска, еще не веря своим глазам. Все стены и потолок кубрика были увешаны гроздьями огромной черной икры. Но не это зрелище заставило его сдержать шумный вздох. Между черными гроздьями вздулись по виду стеклянные, размером с мячик для пинг-понга, шарики. То, что находилось внутри, отражало свет настолько сильно, что рябило в глазах. «Слеза ангела». Алмаз – безупречной формы и чистоты. Исцеляющий и дарующий. О ценности которого можно было говорить лишь шепотом.

Только единожды Маньяку довелось лицезреть диковинный артефакт. Три года назад на побережье Призрачной бухты вынесло труп. Это само по себе было редкостью невиданной – океан никогда не отдавал мертвую добычу. Так вот, тогда Маньяк был в числе тех, кто нашел утопленника. Выглядел он ужасно: лицо изъедено рыбами до костей, костюм не просто порван – обожжен. Огромные дыры с обугленными краями обнажали плоть, где копошилась живность. Мертвеца опознали по шахматной фигурке, выпавшей из водонепроницаемого рюкзака. Ферзь. Всем известно, что тот постоянно носил ее с собой. На каждую ходку. И прозвище получил по этой же причине. Скользкий тип. Маньяк имел на него зуб, но предпочитал меньше распространяться об этом. Он отлично помнил, как однажды, измотанный до предела, потерял сознание в подземном гроте, у самого выхода на перевалочную базу «Сверчок». И очнулся от того, что его грубо обыскивали, особо не стесняясь. Вот этот самый Ферзь и обыскивал.

– Ой, извини, братан, я не знал, что ты живой, – только и сказал Ферзь, усмехнувшись, когда Маньяк открыл глаза. Может, еще спасибо ему следует сказать за то, что не подтвердил свое знание контрольным в голову?

Да чего толку вспоминать? Представилась бы возможность, ответил.

Об этом и размышлял тогда дайвер, наблюдая за тем, как старый моряк Гофман обыскивает труп. Из рюкзака выпало еще кое-что помимо шахматной фигурки. В сморщенные, перевернутые глубокими линиями ладони упал похожий на стеклянный шарик. Как известно, кто нашел, тот и хозяин. Одно из немногих правил, соблюдаемых неукоснительно. Трясущимися от волнения руками Гофман долбил шар о камень. Затея не из легких, но того стоила. К слову сказать, Гофмана вскоре грохнули. Не принесла старику счастья «слеза ангела».

И вот теперь, сдерживая от волнения дыхание, Маньяк рассматривал в свете луча настоящее сокровище. Не меньше десятка шариков, развешанных среди черной икры.

Мысль о том, что где-то должна прятаться живность, мечущая такую вот икру, пришла в голову с опозданием. А вполне могла стать последней.

Откуда взялась черная опухоль, что вздулась на потолке, неизвестно. Маньяк заметил ее не сразу. Заметил, когда с резким шлепком распахнулось черное нутро и оттуда вывалились десятки тонких нитей – щупалец. Водяная лилия. Интуитивно, понимая бесполезность затеи,

Маньяк дернул стволом вверх и нажал на спусковой крючок. Две пули влетели в черную влажную плоть. Оглушительно чавкнуло. И все.

– Хрен тебя дери, – еще не принимая ситуацию всерьез, сказал Маньяк.

И тут же дождался ответа. На потолке, отбросив условности мимикрии, стали проявляться черные, пульсирующие опухоли. Хлоп-хлоп. И вниз потянулись сотни нитей, так плотно, что занавесили все пространство, ведущее к выходу. Когда хлопнуло за спиной, Маньяк пригнулся и отшатнулся к стене. Но было поздно. Одна из нитей коснулась левого предплечья. Маньяк отпрянул к люку, едва не взыв от обжигающей боли.

– Мать твою, – прошипел он. Выплеснутая сотнями крошечных иголок кислота прожгла костюм насквозь. Края длинной полосы разошлись. Обожженная кожа вздулась мерзким багровым пузырем. Боль была оглушительной.

Маньяк резанул автоматной очередью от стены до стены. Если и имелся положительный эффект, то остался незамеченным для глаз. Плотный занавес колыхался, спускаясь с потолка до пола, и напрочь отрезал путь к трапу.

Когда над головой плотоядно чавкнуло, Маньяк больше не раздумывал. Он бросился вниз, в люк, ведущий в трюм. Буквально кубарем скатился, наплевав на осторожность. И тут же оказался по грудь в темной воде. Боль в руке, погруженной в прохладу, отступила. Луч фонаря бестолково зашарил по потолку, выискивая опасных тварей. На первый взгляд наверху было чисто. Но даже если так было и на второй взгляд, это ничего не решало. А только оттягивало неизбежность. Худшее состояло в том, что мысленный приказ «немедленно убираться», оказался несостоятельным. Убираться было некуда.

Маньяк стоял в отсеке, заполненном водой. Единственный путь отсюда манил черным отверстием люка над головой. Аккурат туда, откуда он только что свалился. Снова и снова он водил лучом по стенам, потолку. Вот тебе и мышеловка, дайвер. Теперь понятен механизм? Под стать сыру, что присосался «стеклянными» шариками к черным гроздьям уровнем выше. Не по зубам тебе оказался лакомый кусочек, и пасть захлопни. И жало притупи.

Луч света остановился на отверстии люка. Оттуда, сверху, неторопливо завоевывая новое пространство, потекли черные нити. О том, что будет, когда они заполнят все вокруг, думать не хотелось.

Вдруг рядом с ним, у борта, плеснуло. По воде пошли круги. Из непроницаемой темноты стала медленно подниматься голова, облепленная мокрыми волосами. Показался большой белый лоб и два огромных круглых глаза. На правом, в углу вздулось белое пятно. Их обладатель не спешил всплывать, высунулся из воды лишь до половины выпуклых глаз.

Маньяк не стал ждать продолжения. Он выстрелил туда, прямо по блестящим глазам твари. Пули ушли в воду в том месте, где, опередив их на долю секунды, мгновенно скрылась голова.

– Трындец. Теперь полный... – Маньяк выругался матом. Русалка! Вот сейчас счастье обещает быть полным!

Быстро надев очки, дайвер нырнул в воду, предпочитая встретиться со смертью лицом к лицу. В отсеке русалки не было. Но то, что он увидел, внушило ему слабое подобие надежды. Под водой темнота расступалась. На фоне абсолютной тьмы проявилось серое окно пробойны, вполне достаточной, чтобы убраться до того, как станет – в прямом смысле – очень жарко.

Маньяк вынырнул, боковым зрением заметив, как, настойчиво удлиняясь, ползут к нему черные нити, как стелются по воде в поисках загнанной в угол крысы, которую лишили последней возможности – броситься на обидчика. Из двух зол выбирают... Меньшее? Как бы ни так. Быстрое – так будет правильнее. Дайвер закрепил автомат на ремне, воткнул фонарь в гнездо. Сделал несколько сильных вдохов, затаил дыхание и нырнул в воду.

В темноте почти неразличимо что-то блеснуло, но отступать было некуда. Он преодолел пробойну без проблем, оттолкнулся от борта и проплыл под водой даже дольше, чем хотел.

Только потом стал всплывать, рассчитывая глотнуть воздуха и снова уйти под воду. Русалка не стала его убивать, значит, хитрая тварь желала поразвлечься. И в его силах устроить ей чехарду. Наперегонки с пулями. Убить не убьет, но хоть лишит хитрую сучку радости спокойного обеда.

Маньяк привык интуитивно рассчитывать глубину погружения, поэтому успел удивиться тому, что все еще остается под водой. Свинцовая пленка поверхности маячила над головой, и дайвер удвоил усилия.

Поверхности не было. Легкие сжались, настоятельно затребовав поток кислорода. Маньяк рванулся вверх, сделав мощный рывок руками. Белые блики плясали над головой, то сливаясь, то расходясь пятнами. Маньяк плыл из последних сил.

Поверхности не было. В голове возникла только одна мысль, пронесшаяся с быстротой молнии. Он вляпался в «колодец». Иного объяснения не было. И какова глубина «колодца» – десять, пятнадцать, двадцать метров – скорее всего, ему так и не узнать.

Все тело – с судорожно сжатыми легкими, с сердцем, трепыхавшимся в груди – вопило. Воздуха! Глоток! Из последних сил Маньяк плыл вверх, судорожно работая ногами. Каждая клетка, каждая частица требовала кислорода. Его тело отчаянно взывало к тому, чтобы вытолкнуть из легких жалкие остатки воздуха и...

Дальше конец. Захлебываясь, наполняя страждущее тело соленой водой, он умрет. Всего в каком-то метре от поверхности! Не эта мысль, а лишь отзвук ее, шумевший в ушах, толкнул его вверх.

Маньяк не выдержал. Легкие судорожно вытолкнули кислород. И только открыв рот, обреченно ожидая смерти, что сейчас вольется внутрь, он осознал, что может дышать. В ушах гудело. Перед глазами дрожала кровавая пелена.

Он на поверхности. И может дышать.

2

Только поцеловавшись с фонарным столбом, Маньяк понял, что ему стало легче. Хмель постепенно улетучивался. Но мысли, хрен их дери, опять возвращались к двухпалубной красавице с прогнившим нутром.

Обычно воспоминания о том, что случалось во время ходки, оставляли его сразу. Стоило лодке заскрести дном по песку, а швартовам закрепиться на прибрежном кнехте, Маньяк сходил на землю, переживая внезапное чувство абсолютной надежности. Все, что касалось «приключений», оставалось в прошлом. Отступало, как дурной сон, наводненный кошмарами.

Не в этот раз. Уже с утра дайвер бродил по побережью, переходя из одного питейного заведения в другое, методично напиваясь до состояния полной невменяемости. Ближе к вечеру он протрезвел – нутро больше не принимало горячительных напитков. Он заказал бутылку воды, чем ввел Бронтозавра, стоящего за стойкой, в состояние ступора.

– Что, так плохо? – здоровенный детина после паузы участливо заглянул Маньяку в глаза.

Тот отмахнулся, прихватил со стойки бутылку и потащился в свой темный угол. Плюхнулся на крохотный диванчик и стал рассматривать плетеную перегородку, отделяющую его от зала. Но не эти лианы-листочки стояли у него перед глазами, а нечто другое: на дне, укрытая тридцатиметровой толщей воды, лежала драгоценная двухпалубная красотка, скрывая в одной из кают несметное богатство. Маньяк видел собственными глазами, как приливная волна сняла с мели судно. Как хлынула в пробоины вода и яхта лениво, не спеша, омываемая волнами, перекачивающимися через палубу, опустилась на глубину. Там и лежала в то время, когда дайвер отправлял в рот содержимое бесчисленных стаканов.

В одиночку не справиться. Даже думать об этом – самоубийство. Необходимы люди. Двое – рискованный минимум, а лучше трое.

«Русалку не стоит сбрасывать со счетов», – подумал Маньяк и усмехнулся. Уж больно легко он причислил кровожадную тварь к вторичной опасности. Тогда как дело обстояло с точностью до наоборот. Неизвестно, какие еще ягодки готовит глубина. Выход один: спускаться следовало в «клетке». Вот так, слово за слово, и от всего полезного времени, рассчитанного на работу, оставались жалкие минут сорок. Нет, пользоваться люком, чтобы проникнуть внутрь, не входило в его планы. Если – это необходимое условие – яхта лежит на левом борту, то есть все шансы прорубить деревянный бок в районе драгоценной каюты. Когда все пойдет по задуманному плану, от трех помощников в лучшем случае останутся двое. Люди должны быть супер надежными, но не особенно доверять друг другу. Только тогда можно поставить на то, что не объединятся они при виде «стеклянных шариков» и собственные шарики у них голове не зайдут за ролики. И самого Маньяка, приходящего в себя после погружения, не отправят за борт, на радость пучеглазой и кровожадной твари.

Конечно, план требовал проработки. Но это все частности. Основой, на которой беспрецедентный замысел пустил бы корни и оброс деталями, являлось главное. Глубина. Двадцать, тридцать метров – еще было над чем пораскинуть мозгами. Сорок? Вопрос оставался открытым. К идиотам, решившим работать на подобной глубине, можно было с полной уверенностью отнести только одного. Себя. Значит, быть или не быть, решала разведка. Но и тут без помощника не обойтись.

Дайвер поморщился. Считая тему исчерпанной, он придвинул пустой стакан из-под виски, еще неубранный. Зачем-то понюхал. В голове стремительно светлело, но заказывать еще спиртного он не торопился. Несмотря на то, что существовала реальная отмазка для того, чтобы сегодня наклюкаться в зюзю.

Людей давно нет в живых, а даты остались.

Милая, озорная, любимая до дрожи девочка навеки заснула в том домике на берегу реки. Она лежала, бережно укрытая его рукой, в то время как он вел машину по побережью. Довольный жизнью, молодой еще парень летел по автостраде. Сначала десятку, потом сотне машин, застывших у обочины, он не придал значения. Какая-нибудь жуткая авария. Мало ли ротозеев, падких до кровавых зрелищ?

И только люди, покинувшие свои места и замершие рядом с брошенными авто, напряженно вглядывающиеся в ту сторону, откуда он ехал, заставили парня тоже остановить машину.

Не было ни предупреждений, ни прогнозов, ни воя сирен, ничего из того, что предвещало бы опасность. Парень стоял, раскрыв от изумления рот. В абсолютной тишине, занимая все пространство на линии горизонта, прямо на него, постепенно увеличиваясь, заслоняя солнце, шла стена воды.

Маньяк ненавидел вспоминать об этом. Сегодняшняя дата – тринадцатое июня – обязывала. С любимой девочкой они были одногодками. И сегодня ей исполнилось бы тридцать. Исполнилось бы. Но осталось навеки двадцать два. Вот отверженная память с утра и плескала в его стакан дозу за дозой, поощряя и затуманенный спиртным мозг, и язык, не вяжущий лыка.

– Маньяк? Зачем он вам?

Из нестройного гула голосов слух дайвера выловил главное. Оставаясь в тени, он придвинулся к выходу и окинул взглядом зал. У стойки, ближе к нему, стояли трое. Девушка с роскошными светлыми волосами, падающими на спину, и двое мужчин. Коренастый крепыш с темным ежиком волос, тискающий в руках запотевший стакан, застыл вполоборота. Другой – двухметровый верзила – стоял спиной.

– Так мало у нас навигаторов, етить вас налево? – Бодрый голос Бронтозавра перекрывал шум в зале.

Маньяк улыбнулся. Конспиратор, твою мать. Помнил еще, сволочь, тот случай, когда направил на встречу непрошенных гостей. Ох, как тогда Маньяк был зол. Досталось всем: и визитерам, и бармену. И самому кабаку. Остались от него рожки да ножки. Конечно, расплатиться потом пришлось, но душился за каждую копейку, чтобы жизнь Бронтозавру медом не казалась. Зато с тех пор ничего объяснять не надо.

Бармен давал дайверу время избежать ненужной встречи, но бывалый дайвер и навигатор¹ Маньяк не видел резона скрываться. Он сел за столик, отодвинул подальше стакан и взял бутылку с водой.

– Да понял я, понял, – не унимался бармен. – Самый крутой и круче не бывает. Там он. Был. Сходите, проведайте.

Она вошла первой, светловолосая девица спортивного телосложения. Постояла у входа, держась рукой за плетеную изгородь и пристально разглядывая татуировки на черепе дайвера, у левого уха. Быковать девушка не стала, а вполне вежливо поинтересовалась:

– Не помешаю?

Дождавшись не менее вежливого кивка, девица вошла и села напротив. Следом за ней втянулись и сопровождающие. Крепыш опустился рядом, верзила прочно утвердился в проходе. Маньяк молчал, отмечая про себя и хорошую спортивную форму девушки, и шрам на лбу у крепыша, и мускулы верзилы.

– Есть разговор, – наконец, не выдержала девушка. – Маньяк... Я могу так к вам обращаться?

– Валяй, – милостиво разрешил дайвер. – И на ты.

– Тогда не будем терять время. – Девушка жизнеутверждающе хлопнула ладонью по столу. – Меня зовут Марго. Его – Робинзон. – Она мотнула головой в сторону крепыша. – Это

¹ Дайвер – охотник за Океанскими трофеями. Навигатор – проводник по Океану.

– Шеф. – Верзила также удостоился кивка. – Хочу предложить тебе работу. Ты ведешь нас в Цитадель. И получаешь за это десять тысяч тугриков. Вот и все. Ясно?

– Предельно, – задумчиво произнес дайвер. – Туда и обратно?

Марго сдержанно вздохнула.

– В худшем случае, да.

– Тогда пятнадцать.

– Пятнадцать тысяч тугриков? – уточнила она.

– Чего же еще?

– Мне надо подумать.

– Думай, – легко согласился Маньяк и поднялся. – С вашего позволения, дамы и господа.

Он не успел выйти из-за стола, как услышал:

– Я согласна. Мне рекомендовали тебя как самого лучшего в этих краях. А на лучшее и пятнадцати тысяч не жалко. – Девушка вымученно улыбнулась.

– Идет. – Маньяк снова сел за стол. – Могу поинтересоваться о цели визита в укрепрайон?

Марго помолчала, буравя его тяжелым взглядом. Потом продолжительно вздохнула и нехотя произнесла:

– Брат. Все, что у меня осталось. Есть сведения, которым не верить я не могу, что он там. Так что возвращаться, возможно, мне не придется.

Маньяк одобрительно усмехнулся про себя: что же, вполне правдоподобно прозвучало.

– Брат так брат, – сказал он. – Меня все устраивает, кроме одного.

– В смысле? – нахмурилась Марго.

– Бабу в море не возьму. Их двоих, – он ткнул пальцем в сторону мужчин, – как не хрен делать. Без тебя.

– Как это? – Расслабившаяся было девица снова напряглась. – Ты же согласился! Работа есть работа! Какая тебе разница, кого вести? У меня три сотни погружений с аквалангом, я могу больше чем на три минуты задерживать дыхание! И плаваю быстро, хоть с маской, хоть без... Маньяк!

– А? Я все сказал, девушка. Ищи другого.

– Но как они пойдут без меня? Это же мое дело! Это я ищу брата, которого считаю покойником уже четвертый год! Четыре долгих года! Единственная родственная душа, оставшаяся на этой гребанной планете! Ты понимаешь? Маньяк!

– Да не бойсь, девушка. Найдем мы твоего брата.

Только без тебя.

– Маньяк! – Она вскочила. – Почему? Что за говенные предрассудки? У меня спортивная подготовка похлеще, чем у любого мужика! Можешь сам проверить! Я...

Дайвер не слушал. Он поднялся, сделал пару шагов и остановился рядом с верзилой, перегородившим дорогу.

– Тебе помочь, братан, отодвинуться? – участливо поинтересовался он, гася в душе мгновенно закипевшую злость. Он ненавидел, когда кто-то нависал над ним, загораживая путь.

И опять Марго его остановила.

– Хорошо, Маньяк.

Услышал он сдавленный голос.

– Ты отведешь их. Без меня.

– Это дело. – Дайвер развернулся и встретился взглядом с крепышом. И нехорошим был тот ответный взгляд, полный ненависти и недовольства. – Значит так. Робинзон и Шеф, мужики, жду вас... послезавтра на перевалочном пункте. Океанский лайнер «Призрак» – что-нибудь говорит? Там и встретимся. И затаримся, если будет чего не хватать.

– А почему стартуем не отсюда? – сдерживая эмоции, подал голос крепыш.

– Потому что. Доберетесь сами. Без меня. Делов-то?

- Доберутся, – устало бросила Марго.
- Хорошо. Тогда задаток, – развел руками Маньяк, – половина.

3

– Еще.

Маньяк убрал палец от стакана, оставив на стекле четкий отпечаток уровня, на котором бармену следовало остановиться. Рыжеволосый толстяк булькнул виски, следуя указаниям.

В зале очередного питейного заведения, куда больной от злости после принятого заказа завалился Маньяк, царил полный хаос. Внизу, на арене, окруженной прочной сеткой, заканчивались бои без правил. Ор стоял такой, что закладывало уши. Дайвер хотел взять стакан и пройти к нижнему ряду и не сдержался: плеснул содержимое в жаждущий спиртного рот. И только потом, расталкивая локтями зевак, стал спускаться.

Ажиотаж, подогретый неумеренным употреблением горячительного, достиг апогея. Но на арене было еще жарче. Огромный, по пояс голый боец прижимал к сетке человека, делающего робкие попытки освободиться. Его участь была решена. Мускулистый мужчина, чье тело было исполосовано перекрещивающимися шрамами, за что и получил прозвище Крестоносец, не оставил противнику шансов. Матерый боец жестко удерживал за горло бьющееся в агонии тело. И не собирался ослаблять хватку, несмотря на редкие выкрики «оставь его».

Большинству, одержимому жадой убийства, было наплевать на сочувствие и жалость.

– Дави его, Крестоносец!

– Красава! Размажь его!

Маньяк замер у самой сетки. С первого взгляда стало ясно: Крестоносец вошел в раж и остановиться уже не мог. По его лицу, изуродованному звериным оскалом, катились капли пота, на руке, держащей противника, синели вздувшиеся жилы.

– Егор... Ты – Егор. Банько, – шипел Крестоносец, брызгая слюной. – Скажи...

– Георгий... я, – сдавленно хрипел поверженный противник.

– Нет, скажи. Я – Егор. Банько.

Понятно. Если дошло до личных разборок, значит, дело плохо. Маньяк знал человека, уже не оказывающего сопротивления. Правильный парень, этот Банько, постоянно терпел большей частью безобидные, но иногда и едкие шутки, касающиеся сочетания его имени и фамилии. Со временем количество шутников резко сократилось – парень умел за себя постоять. Чем таким в сущности безобидный Банько умудрился завести Крестоносца, Маньяк не знал. Происходящее на арене как нельзя более точно соответствовало его чувствам. Злость переполняла его. Эта крашенная сучка Марго сумела пробить его защиту и добраться до нежного нутра. Нет, дайверу было наплевать на предрассудки «женщина на корабле к несчастью» и тэ дэ и тэ пэ. Класть на все это с большой буквы.

Никто не заставит Маньяка даже под дулом пистолета отвести женщину туда, откуда ворота нет.

Когда-то все было по иному: рай хрен знает где, ад под землей. Теперь полюса сместились. Маньяк не знал, куда переехал рай, но пекло оказалось рядом, буквально рукой подать. Стоило шагнуть с берега туда, в зыбкую пенную муть, и распахивались ворота Левиафана. И глубина готовила ловушки, поднимала со дна тварей, готовых пить твою кровь, жрать внутренности, перемалывать кости в труху.

Только один раз дайверу довелось быть свидетелем того, как мучительно умирала девушка. Года три назад волею судьбы Маньяк оказался у грота Пещерного Паука. Худшего выхода трудно было придумать. Вернее, он существовал: за мысом открывался вход в бухту. Всего пара часов на лодке и вот уже впереди маячила безопасная пристань. Да только в тот раз на скалистых выступах обосновались мародеры. Чутье заставило Маньяка, смертельно усталого, не лезть на рожон, а пришвартоваться у Черепашого острова. Разглядывая в бинокль

береговую линию, он засек скрытых в расщелинах бойцов. Оставаясь в тени холма, Маньяку пришлось вернуться и больше часа плыть на восток вдоль неприступных скал.

На дне лодки в водонепроницаемом контейнере грели душу пара редких артефактов. Один из них «железяка» – сантиметров пять в диаметре тарелочка из неизвестного сплава (вернее, из чего-то, похожего на сплав), обладающая антигравитационными свойствами. Поговаривали, что это чешуя самого Циклопа и что сотня таких вот «железяк» способна поднять в воздух человека. Только где ж их набрать в таком количестве, говоруны не уточняли. И была еще одна штучка, с которой дайвер не решил, как поступить. «Стрекоза», крохотный кусок желтого, прозрачного, похожего на пластик материала. Активировать штуковину было легко, достаточно разбить ее, вытряхнуть оттуда металлического вида кружок и бросить, предварительно закрыв глаза. Вспышка – и все живые организмы в радиусе пятнадцати метров теряли сознание минуты на две. Не бог весть что, но в иных ситуациях время – залог шанса, дарующего жизнь.

У грота дайверу повезло: он оказался не единственным, из двух зол выбравшим меньшее. Партизан – сорокалетний мужчина, опытный навигатор – выводил из опасного района тройку новичков.

«Салаги как салаги», – подумал Маньяк, глуша мотор в тихой гавани. Спокойствие оставило его в тот момент, когда один из ребят, забросив за спину длинные волосы, убранные в хвост, выпрямился в полный рост.

– Жанна, – темноволосая девушка кивнула ему.

Маньяк ухом не повел в ее сторону. Он внимательно разглядывал Партизана, пытаясь в его маленьких глазках, окруженных припухшими веками, найти ответ на незаданный вопрос. Тот поспешно отвел взгляд в сторону, прикрикнул на новичков и первым ступил в темноту пещерного свода. За ним, волоча по мелководью лодку, послушно двинулась тройка.

По счастью, грот не оправдывал своего названия, пещерные пауки здесь не водились. В противном случае Партизан был бы уже мертв: многоногие твари мгновенно объедают плоть, полируя кости до зеркального блеска. Название закрепилось за гротом из-за входа, издалека напоминающего раздувшееся паучье брюхо, от которого змеились по сторонам длинные тонкие трещины.

Дайвер ступил в темноту, слыша гулкое эхо шагов. Будь на то его воля, он скрутил бы девчонку, бросил на дно лодки и, невзирая на тяжесть, выволок бы на свет божий уже в безопасной бухте. О чем думал Партизан, или в его голове все мысли давно были заняты цифрами с нулями, Маньяк не знал. Сквозную пещеру, пробитую подводным течением, где глубина порой доходила метров до пятнадцати и более, если считать бесчисленные трещины в скалах, можно было использовать для выхода только в одном случае – если ты не ранен. Даже капля крови являлась приговором.

Нет, тут не водились пещерные пауки, здесь имелась другая напасть. Сфинксы – этакая помесь пираньи и лишенной шерсти крысы. Зубастая пасть на тельце с крохотными лапами. Амфибии, они плавали молниеносно и не менее быстро забирались на камни, цепляясь острыми когтями за трещины.

Половину пути малочисленный отряд миновал без происшествий. Маньяку, полному дурных предчувствий, стало казаться, что все обойдется. Что послужило толчком к событиям, закончившимся через несколько минут, осталось для него тайной. То ли девчонку угораздило поцарапаться, то ли во всем виновата женская физиология, против которой не попрешь.

Маньяк, прилагая усилия, тащил лодку по мелководью, как вдруг, в свете фонаря, пробивающего воду, мелькнула тень. Следом еще одна. И еще. А потом водная поверхность забурилась, пошла волнами и своды пещеры заполнились криками.

– В лодку! – заорал Партизан.

– Сфинксы! – успел крикнуть Маньяк. Автомат в его руках огрызнулся огнем. В голове вихрем пронеслась мысль: «По чью душу?»

Девушка вскрикнула от боли. И это был ответ на его вопрос.

Не спасли бы и сотни лодок. Верткие зубастые твари накатили черной волной. Самые шустрые взбирались по девичьему телу, стремясь добраться до горла. В то время как сородичи рвали на куски все, что находилось под водой. Истошно кричала девчонка, Партизан лупил короткими очередями, парни орудовали ножами.

Все кончилось быстро. Десяток крыс вцепились в девичьи руки, одна повисла на щеке. Она рвала когтями шею, стараясь удержаться. В красную от крови воду, заполненную издыхающими тварями, раскинув руки, уже изуродованная до неузнаваемости, падала девчонка.

– Мама... Мамочка, – захлебываясь кровью, прошептала она и темная волна укрыла ее с головой.

Маньяк не знал, что остановило его от того, чтобы разрядить рожок Партизану в голову. Во всяком случае, мысль такая была. Скорее всего, его заставил удержаться один из парней. Страшный, испачканный чужой кровью, с мертвыми от ужаса глазами, он тащил из воды то, что осталось от девчонки.

Дайвер отвел душу на следующий день, в кабаке. Привязавшись к пустяку, он избил Партизана до потери сознания. На собственном реноме и так пробы ставить было некуда, а на сердце полегчало. В аду женщинам места нет. Да и насколько Маньяк был осведомлен, их и не было там, где кончалась береговая линия. И никакие тугрики с множеством нулей не заставят его поступиться принципом. Это знали все. Теперь в курсе и эта крашенная сучка, Марго, судя по всему, не привыкшая принимать на веру все, что ей говорили.

Воспоминания разбередили душу. Она заныла, требуя продолжения банкета. Маньяк было развернулся, полный желания подняться к стойке бара, и в тот же миг трибуны взревели. Крестоносец, уставший ждать, сжал руку на горле поверженного, но не покорившегося противника. В зале стоял немыслимый шум, но влажный хруст слышали все. Неожиданно установилась тишина. Крестоносец погрузил пальцы в горло, порвал кожу. Дайвер не успел отпрянуть, когда озверевший боец вырвал из шеи куски плоти. Хлынула кровь. Темные капли попали Маньяку на лицо. Раздался предсмертный хрип и бездыханное тело тяжело завалилось на дощатый пол. Из разорванной шеи фонтаном била кровь. Крестоносец – страшный, орущий что-то нечленораздельное, пошел вдоль сетки, держа в поднятой над головой руке кусок человеческой плоти с синим, распухшим языком.

Минут через пять Маньяк, уже успокоенный очередной дозой виски, стоял под звездным небом, жадно вдыхая ночной воздух. Земля, задумавшая свергнуть господство людей и на обломках воздвигнуть царство хрен знает каких тварей, жадно впитывала звуки. На этой философской ноте, Маньяк повернулся и пошел на свет ближайшего фонаря, не слыша шума своих шагов.

Он шел от одного круга света к другому, надвинув на глаза капюшон толстовки. Его тень удлинялась, потом стремительно бросалась под ноги, чтобы мгновенно спустя появиться за его спиной. Если кто-то и наблюдал за ним, то очень удивился, не увидев под очередным фонарем его одинокую фигуру. Маньяк воспользовался давно проторенной дорожкой. Под сенью широколистных деревьев, в кустах, метрах в ста от дороги прятался вход в заброшенный коллектор – ливневку, предназначенную для сточных вод. Бетонный туннель не имел выхода к основным коммуникациям. Сухой, засыпанный песком и листьями, он спускался все ниже и в конечном итоге выводил в тупик, заваленный битым кирпичом. Так далеко дайвер забираться не собирался. Он прошел под землей немногим больше двух километров. Время от времени он останавливался и долго стоял, прислушиваясь к звукам. Где-то далеко лилась вода, шумел ветер, гоняя вдоль коллектора сухие листья. Только убедившись, что все чисто, Маньяк рискнул выйти на поверхность.

Отсюда, с высоты холма, открывался впечатляющий вид на бухту. Видна была четкая граница, отделяющая свет от тьмы. Порт тонул в огнях. Светились лодки и яхты, стоящие на приколе. Рассеянный свет, тающий в тумане, выделял суда, спешащие пришвартоваться. Ближе к середине бухты блики света гасила тьма. Луна не отражалась в темной воде.

С вершины холма вниз змеилась дорога. С одной стороны к ней вплотную подступала пропасть. Другая сторона за огромными, выше человеческого роста заборами, прятала частные владения. Маньяк некоторое время шел, оставаясь в тени оград, потом свернул на боковую улочку. В самом конце он пошел налево и оказался в тупике. У металлических ворот со стальной дверью мужчина остановился, вынул электронный ключ и проложил к считывающему устройству.

Только войдя и плотно закрыв за собой дверь дайвер понял, насколько устал. От хмеля не осталось и следа. Завтра поздним вечером он вернется в крохотную квартирку на окраине города, чтобы утром стартовать на «Призрак». Но все это потом, потом.

Во дворе было темно, в маленьком двухэтажном домике тоже. Лишь у входа горел фонарь как приглашение для припозднившегося гостя. Оно и понятно: Аленка уже спала, отчаявшись его дожидаться. Маньяк набрал сложный код на электронном замке, осторожно открыл дверь. Он улыбался, представляя, как войдет в спальню, присядет на кровать, легко откинет одеяло и коснется нежного тела девушки. Потом поцелует сонную девочку в шею. Аленка повернется и обнимет его...

Он успел сделать несколько шагов, разомлевший, успевший протрезветь от долгой ходьбы и снова опьянеть от предвкушения встречи.

– Стоять, – раздался голос за спиной. И в подтверждении короткого, как выстрел, слова в затылок дайверу ткнулся обжигающе холодный металл. – Руки. Медленно.

Маньяк поднял руки, стараясь не делать резких движений. Здесь, в темноте, такой заманчивой показалась мысль дернуться, уйти с линии огня и, молниеносно развернувшись, ударить невидимого противника ребром ладони в горло. Только одно слово, мелькнувшее в мозгу, остановило его. «Аленка». Поэтому он терпеливо снес толчок, поставивший его лицом к стене. И обыск, выудивший из карманов все, что там было спрятано. Вплоть до «стрекозы» в специальном кармане.

– Дотошный, твою мать, – не сдержался Маньяк, отмечая действия того, кто его обыскивал.

Тот не ответил.

– Не советую дергаться, Маньяк.

Хриплый голос раздался из гостиной. Вспыхнул свет. На стуле, с круглыми от ужаса глазами, сидела его девочка. Темные волосы разметались по плечам, на лбу алела ссадина. Короткая майка едва прикрывала ягодицы, на лице, залитом слезами, чернела полоска скотча. Слева от стула застыл верзил в камуфляже, небрежно приставив к девичьему виску вороненую сталь пистолета. Но говорил не он.

– Двигай сюда, – снова донеслось из гостиной. – Есть разговор.

Ствол сместился ниже и Маньяк почувствовал весьма сильный толчок в спину. Он двинулся туда, куда было указано. У окна в гостиной стояли двое вооруженных до зубов боевиков.

– И без фокусов, – сказал тот, кто пока оставался в тени.

Маньяк узнал этот голос еще до того, как переступил порог гостиной. В полутьме на кожаном диване сидел светловолосый мужчина лет сорока. На скуластом лице застыла улыбка. Тонкие русые усы обегали насмешливо приподнятые углы губ и сливались с острой бородкой. Слева на шее изогнутые линии татуировки скрывал воротник рубахи, расстегнутой до пояса. В открытом воротах на золотой цепи жужжала пристегнутая «пчела».

– Трюкач, – тихо сказал Маньяк. – Какого черта?..

– Сократим беседу, – властно перебил его мужчина. – Не для того я сюда добирался, чтобы болтать.

– Кстати... – начал Маньяк, намериваясь поинтересоваться, чего не сиделось тому в Цитадели и какого черта понадобилось ему в городе?

– Заткнись, Маньяк. Говорить буду я. В противном случае, за каждое твое слово ответит она. Ты понял?

Дайвер медленно опустил голову, гася в душе приступ ярости.

– Это понятно. Только для начала разговора распорядись убрать ствол. Хватит тыкать девочке в лицо.

Трюкач помолчал, задумчиво разглядывая дайвера. Потом перевел взгляд на верзилу в камуфляже и кивнул. Тот послушно отвел пистолет в сторону.

– Все очень просто, – негромко произнес тот, кто диктовал условия. – Ты приносишь мне одну вещицу. И получаешь назад свою девочку. Живую и невредимую. Слово я умею держать. Ты знаешь.

Маньяк молчал, ожидая продолжения. Даже сейчас, в такой опасной ситуации, в его голове зрел план. Уйти самому было легче легкого. За спиной, дыша в затылок, продолжал стоять обыскивавший его боец. Судя по всему, он опустил ствол во время начала разговора. Но даже если не так, был шанс выбраться: достаточно было уйти влево, рвануть на себя высокого мужчину и, прикрывшись им как щитом, выйти к лестнице. Нет, уходить через дверь Маньяк не собирался, наверняка во дворе, не замеченные им, тоже были люди. Под лестницей имелась неприметная дверь, ведущая в подвал. А там люк в туннель. И потом ищи свищи его за пустырем.

Одному можно было уйти. Но это был не выход. Он втянул девочку в неприятную историю, ему и вызволять ее. Взять в заложники того чудака, что продолжал торчать за спиной? Тоже не лучший ход. Хозяин Цитадели, решившийся на такую игру, пожертвует им без промедления. Был шанс выстрелить в Трюкача – неизвестно, как без него поведут себя остальные. Но «пчела», жужжащая на его груди, первую пулю поймает, это факт. А вот для второго выстрела времени может и не хватить.

Дайвер ждал. В том, что названная вещица будет лежать за пределами добра и зла, можно было не сомневаться.

Трюкач не стал играть в молчанку. Он озвучил предложение до конца.

– Ты принесешь мне русалку.

– Черт! – не сдержался Маньяк. – А почему не Циклопа?

– Ты не дослушал. Ты принесешь мне русалку живой.

На миг дайвер почувствовал себя на глубине. Ощущения были те же. Вдруг из легких выбили остатки кислорода, и нестерпимо захотелось глотнуть воздуха. Он медленно перевел дыхание, чтобы скрыть крайнюю степень волнения.

– Ты шизофреник, Трюкач, – Маньяк разлепил сухие губы. – Это невозможно.

– Нет в мире ничего невозможного. Я вот, например, в тебе уверен. И твоя девушка тоже. Правда, милая? – Трюкач подмигнул, бросив взгляд в сторону Аленки. – И она жива только потому, что я в тебя верю.

– Трюкач...

– Не говори ничего, – поморщился хозяин Цитадели. – Я все продумал. Тебе останется выполнить все четко, без суеты. Иначе я не рискнул бы просить тебя об этом, – он улыбнулся. – Я дам тебе препарат на основе «янтаря». Достаточно сделать точный выстрел и отключить русалку. Вот и все.

– Сам не рискнешь?

– Каждый должен заниматься своим делом. Мой удел...

– Издеваться над незащитными девчонками? – подсказал Маньяк.

Трюкач глубоко вздохнул и в тот же момент верзила ударил Аленку по щеке. Маньяк дернулся и в спину ему с опозданием ткнулся ствол.

– Не угадал, – покачал головой Трюкач.

– Естественно, – стараясь оставаться спокойным, сказал Маньяк. – Ну подстрелю я русалку. А дальше что?

– Это уже вопрос. Почему не обсудить его? То, что прикоснуться к ней нельзя, я тоже обдумал. Получишь термический мешок. Из «подушек». Пока она в отключке, наденешь на нее. Я облегчу тебе задачу. Тащить ее сюда тебе не придется. Совершим обмен в Цитадели. Принесешь русалку туда. Получишь назад свою зазнобу. В целости и сохранности. Я думаю, в твоих интересах обернуться в кратчайшие сроки. Я, видишь ли, терпеливым никогда не был... – Почему в Цитадели?

– Так удобнее, ты не находишь? – Трюкач не ждал ответа. – Кроме того, с тобой пойдут помощники. Дам тебе троих. Вон, Ухарь пойдет с тобой, – он посмотрел на верзилу, стоявшего рядом с девушкой. – И Врубель. Вы уже познакомились, когда он тебя обыскивал. Ну и третьего тебе подберу. Тоже парень не промах. Донесете, короче.

– Упростил задачу. – Маньяк криво улыбнулся.

– Это я могу. Выходите завтра, на рассвете. А пока просппись. Тебе полезно.

– Последний вопрос, Трюкач.

В ответ хозяин Цитадели только поднял брови, дескать, валяй.

– Почему я?

– С этим как раз просто. Если не сможешь ты, не сможет никто. Считай это высокой оценкой. Твоих достоинств, – Трюкач криво усмехнулся.

Дайвер открыл было рот, чтобы сказать, что ему посрать на подобное заявление. Но тут почувствовал, как что-то кольнуло под правой лопаткой. И в то же мгновение на него стремительно обрушилась темнота.

4

Марго почувствовала прикосновение к шее и дернула головой. Они с Робинзоном сидели на корме небольшой, основательно потрепанной стихией лодке, назвать которую яхтой, язык не поворачивался. Шеф занял место неподалеку. Шесть человек, не считая навигатора с помощником, разместились на сидениях. Погруженные в свои мысли, пассажиры напряженно вглядывались в предрассветный туман. Никто не обращал на них внимания. Но все равно девушку взбесило прикосновение. Она так надеялась, что хотя бы издалека ее можно было принять за парня. В специальных штанах, кроссовках, в жилете с множеством клапанов, надежно скрывающих грудь, бейсболке, надвинутой на глаза. Несмотря на строжайшее предупреждение, Робинзон продолжал время от времени оказывать ей знаки внимания, чем выдавал ее с головой. Вот и сейчас он не внял ни жесту, полному раздражения, ни короткому взгляду, в котором отразилась злость.

– Зачем ты их так коротко обстригла, – наклонившись к ней, сказал Робинзон. – Вон парень сидит с длинными волосами и ничего.

– Замолчи, – бросила Марго и перевела дух, чтобы не сорваться.

– Да перестань, никто не слышит. Ма...

И тут она не сдержалась – со всей силы наступила ему на ногу. От неожиданности парень охнул.

– Я помню, помню, – спохватился он. – Ты – Февраль. Дурацкая кличка.

Болтун. И не заткнуть этот фонтан. Может, напрасно она взяла его с собой? И Шеф как телохранитель вполне бы справился со своей задачей. Складывалось впечатление, что опасный рейд для Робинзона не более чем увеселительная прогулка. Если бы девушка не знала, на что способен этот парень в экстремальной ситуации, то теперь впала бы в отчаяние. А может, все дело в том, что время, когда мир, сорвавшись с проложенных рельсов, полетел в пропасть, парень пересидел в глубине большого острова, одного из немногих, уцелевших в восточном полушарии?

Однажды Марго увидела снимки со спутника. Эта была не та Земля, которую все знали. Странное и пугающее зрелище... Многие считали апокалипсис вторжением, некоторые долго откладываемым и наконец, свершившимся концом света, ниспосланным человечеству за грехи. Старинный друг, профессор, как-то высказал свою точку зрения на происходящее.

– Это естественный процесс, – объяснил он. – И происходит он раз в... допустим, пятьдесят тысяч лет. С уверенностью могу привести в пример лишь несколько. Сотни тысяч лет назад огромный и единственный континент Пангея вдруг оказался разделенным на части и эти части стали разъезжаться в стороны. Появились и исчезли динозавры – наверняка, тоже не одобрявшие такое развитие событий, – мужчина улыбнулся. – Потом ледниковый период. Да, на сей раз не повезло нам. Но, – он загадочно ей подмигнул, – мне кажется, что тот, кто экспериментирует, просто не замечает нашего присутствия. Занятый глобальным преобразованием. Когда ты делаешь ремонт в доме, ты же не обращаешь внимания на всяких там жучков-паучков? Более того, тебя заботит только один вопрос: чтобы их было поменьше.

– И кто этот таинственный экспериментатор? – спросила тогда Марго. – Инопланетяне?

– Инопланетяне, полагаю, тоже чье-то оружие... Эхе – хе... Я просто человек, девушка. Я могу только строить предположения. Но одно могу тебе сказать: еще благодарить надо этого вершителя за то, что не случился новый ледниковый период. Боюсь, в этом случае, от нас всех осталось бы лишь воспоминание.

А так у нас есть шанс.

– Выжить?

Профессор грустно кивнул. Больше девушка его не видела. Он сгинул на бесконечных водных просторах, так и не оставив надежду отыскать жену, оставшуюся в другом городе. Кому как ни Марго было понятно отчаянное стремление найти потерянную родственную душу. Пусть даже разум и твердил о смертельно опасном, обреченном на неудачу предприятии.

Выживать – очень правильное слово. Вдруг от всех цивилизованных основ, закладываемых тысячелетиями, равно как и от веры в бога, тоже имеющей право на существование, не осталось камня на камне. Неожиданно оказалось, что все они звери. Убий. Укради. Вожделей добра ближнего своего. А уж о том, что произойдет, если тебя ударить по щеке, лучше не думать. Да и не бьют сейчас. Убивают. Чтобы ни единого шанса...

Кораблик плыл в тумане. Постепенно прозрачная предрассветная дымка стала плотнее и укрыла воду плотным ноздреватым саваном. Мотор негромко бухтел, толкая яхту в серую муть. Море? Нет.

Под дымной пеленой колыхалось, ворочалось нечто чуждое. Стоило только представить себе, как погружаешься в промозглую субстанцию, и ледяной холод брал сердце в тиски. Но теперь поздно думать об ужасах. Марго не знала дороги назад. Она имела все основания полагать, что разбирается в людях. И если правильно то, что она успела понять, Маньяку было наплевать на предрассудки. Им двигали другие чувства. Тип мерзкий, никто не спорит. Но баб любит – это написано на его гнусной роже. И стремление оградить слабый пол от опасности еще не изъела в его душе коррозия нового мира. Она правильно все рассчитала: в открытом море ему будет не отвертеться. Не бросит же он беззащитную женщину умирать?

Туман сгущался. Наверняка все пассажиры, включая и длинноволосого паренька, думали об одном и том же: как умудряется капитан, используя допотопные навигационные приборы, вести судно в непроглядной серой мгле?

Робинзон не отрывал от девушки влюбленных глаз и Марго постоянно ловила себя на желании ударить его чем-нибудь потяжелее. Потом она смирилась. Примут за голубых? Невзлюбят? Да и хрен с ними! Только пусть отведут ее в эту гребанную Цитадель!

Двигатель работал монотонно. Пассажиры молчали. И постепенно нервное возбуждение, владевшее Марго с момента отплытия, стало спадать. Глаза закрывались. В тот момент, когда девушка готовилась скользнуть за грань реальности, вдруг стих мотор. Оглушительная тишина повисла над морем. Из тумана – а может, из сна? – потянулась к борту длинная мертвенно-бледная рука с синими, обломанными до полос запекшейся крови ногтями.

Тишину прошил звук автоматной очереди.

– Стреляйте! – заорал капитан.

В тот же миг Марго почувствовала, как ее схватили за шкуру. Шеф среагировал молниеносно. Он сдернул девушку с сиденья в тот самый момент, когда в месте, где ее уже не было, в воздухе сжались крючковатые, костистые пальцы. Боль в спине от удара о лавку отрезвила Марго, но реальность ничуть не отличалась от кошмарного сна.

Со всех сторон к низким бортам застывшего без движения судна тянулись десятки рук. Тощие, в кровоподтеках и ссадинах, они цеплялись за крашенные бока, как потерпевшие крушение за последнюю надежду. С круглыми от изумления глазами Робинзон выхватил нож и пригвоздил человеческую кисть к корме. Злость его была так сильна, что он не смог вытащить оружие с первого раза. Пока он старался выдернуть застрявшее между костями острие, вцепившаяся в его жилет рука заставила его стать осмотрительней.

Шеф, убедившись, что Марго находится в относительной безопасности, лупил по туману короткими очередями. Пули вязли в дымных клубах, выбрасывая вверх белые лохмотья. Девушка и не заметила, как в ее руках оказался АДС. В противном случае Робинзону пришлось бы туго: тот, кто держал его за одежду, с неожиданной силой рванул на себя. Марго нажала на спусковой крючок. Две пули повредили запястье, лишив конечность подвижности.

Что-то орал помощник навигатора, пытаясь запустить не подающий признаков жизни двигатель, сустились пассажиры. Полный мужчина, сидевший по левому борту, приподнялся, вынимая оружие из рюкзака. От неловкого движения лодка накренилась.

– Тише, гады! – гаркнул капитан. – Перевернемся! Все на корм мертвякам пойдем!

– Так что делать? – жалобно крикнул длинноволосый парень, сидевший с другой стороны от Марго.

– Стреляй, придурок! Отобьемся!

– Они раскачивают лодку! – Полный мужчина тяжело дышал.

– Мы умрем, капитан? Умрем? Делай что-нибудь! – не унимался длинноволосый.

– Иди ты... – капитан выругался. – Если не заткнешься, я сам тебя пристрелю.

Двигатель не издавал ни звука. Те пули, что находили цели, не могли хоть сколько-нибудь серьезно повлиять на ситуацию. Внезапно серая пелена пошла волнами. Туман стал растекаться по сторонам и оттуда, из мелькнувшей синевы, показалась голова с редкими волосами, прилипшими к черепу. И тут же, словно ждали сигнала, в клубах дыма стали проявляться мертвецы. Раздутые, синюшные, с лохмотьями одежды, не скрывающими страшных ран, заполненных черной, шевелящейся массой. Медленно и странно, как будто не вода была под ними, а нечто твердое, они поднимались.

– Заводи бандуру, капитан! – крикнул Робинзон, направо и налево ножом кромсая пальцы, вцепившиеся в корму. Пока ему удавалось отбиваться, но с каждой секундой положение ухудшалось – туман клубился, выталкивая все новых и новых тварей.

– А я что делаю! Мать-перемать! – ругался капитан.

Двигатель молчал.

Серая бездна выбросила вверх настоящее чудовище. Огромный мертвец подтянулся и легко перевалился через левый борт. На его страшном, покрытом мокрыми язвами лице в дыру беззубого рта был намертво вбит загубник оборванного дыхательного шланга. Толстяк, меняющий рожок, увернуться не успел – когтистые пальцы сошлись на его куртке. – Шеф! – не сдержалась Марго.

Тот обернулся и одним росчерком автоматной очереди снес нападавшему полчерепа. Мокрые ошметки полетели во все стороны, забрызгав Марго. Но утопленника это не остановило. Он намертво вцепился в жертву и отступать не собирался. Толстяк орал, отбиваясь прикладом. Лодку качнуло влево, и девушка переместилась, чтобы удержать равновесие.

– Сидеть, суки! – матерился капитан. – Перевернемся!

Его не слушали. Судно качалось. Сначала влево, потом вправо, едва не черпая бортом воду. Зажатая с двух сторон – Шефом и длинноволосым – Марго стреляла, с гнетущей тоской выбирая прицелом очередную цель. Вот так неудачно закончилось то, что и начаться не успело! Где справедливость? Если бы она умела, то заплакала бы. Но слезы кончились три года назад. Слева, подтверждая ее худшие опасения, вынырнуло огромное тело. Длинноволосый и опомниться не успел. Покрытые струпами руки ухватили его за куртку. Парень пронзительно взвыл. Марго развернулась, но как назло сухой щелчок возвестил о том, что патроны кончились.

– Шеф! Помогите! – крикнула девушка, но было поздно. Нечеловеческая сила сдернула длинноволосого с сиденья и поволокла за борт. Парень из всех сил пытался оторвать пальцы от одежды, но его неумолимо тянуло в море.

– Помогите! – хрипел он.

В последний момент, оставив попытку поменять рожок, Марго ухватила за куртку парня, задрывшуюся у пояса. У нее не хватит сил его удержать!

– Шеф! – взмолилась она.

Рывок. Парень вылетел в голос, падая в море. И тянул девушку за собой.

– Февраль! Оставь его! – Верзила обхватил ее за пояс, таща к себе. – Оставь!

– Нет... Помоги, – шипела она, но пальцы разжимались, не в силах удержать такую тяжесть.

– Отпусти! Ты его не спасешь! – Робинзон бросился к ней.

Длинноволосый скользил вниз, ломая ей сведенные судорогой пальцы. Он кричал, погружаясь в туман. Потом крик его захлебнулся.

– Оставь его, – сквозь зубы проговорил Шеф и рванул девушку на себя.

Марго разжала руки и парень упал в море. Мгла поглотила его, мгновенно сомкнувшись над головой. И в тот же миг завелся двигатель. Допотопная яхта дернулась и, постепенно набирая ход, двинулась вперед.

5

– Пошутишь еще раз, козлина вислорогая... – верзила не договорил. Он держал Маньяка за шею, плотно обхватив заскорузлыми, сильными пальцами, почти не оставив возможности вздохнуть.

– И... что тогда? – на выдохе прохрипел дайвер. – Убьешь?

– Не убью. Но покалечу. Обещаю.

– А потом? На себе таскать будешь?

– Если понадобится, – веско бросил Ухарь и разжал руку.

Маньяк как подкошенный рухнул на пожухлую траву, долго кашлял и отплевывался.

Врубель сидел на мохнатом, покрытом сухими водорослями камне и время от времени бросал короткие взгляды на реку, будто ножом разрезавшую остров, и на лодку, стоявшую у берега на приколе. Маньяк продолжал надсадно кашлять. Получалось вполне правдоподобно. Врубель улыбнулся, но так, чтобы никто не заметил. Ни Ухарь, ни Клещ. Какой хрен сподобился назвать дайвера Маньяком? Будь на то его воля, он назвал бы его Артистом. Это здоровяк может принимать на веру кажущуюся слабость лысого мужика, а вот Врубеля не проведешь.

Хотя... Если быть откровенным перед собой, вполне возможно, и он попался бы на удочку. Только перед глазами еще стоял тот случай года два назад. Врубель тогда сидел за столиком в кабаке, никому не мешал. Рядом с ним, загадочно улыбаясь, примостилась коротко стриженная брюнетка. Она похотливо шарила под столом, то и дело останавливаясь на его коленях. Или чуть выше, всего и не упомнишь.

С чего все началось, неизвестно. Не было ни предварительных криков, ни ругани, ни взаимных посылов далеко и очень далеко. Прямо на глазах у Врубеля, преодолев в свободном полете метра три, не меньше, ломая плетеную изгородь, в барную стойку вцепился человек. Он ударился лицом о выступающую часть и медленно съехал вниз, оставляя за собой кровавую дорожку. Он уже ничего не видел и не слышал. Глаза его закатились, из открытого рта потекла тягучая слюна.

Без паузы следом за ним вылетел упитанный мужчина лет сорока, в разорванной до пояса футболке. Только на сей раз ускорение ему, судя по всему, придал толчок пониже спины. Толстяк споткнулся и, не удержавшись на ногах, головой врезался в многострадальную стойку, только левее лежащего без сознания человека. Послышался звон разбитого стекла, сдавленный крик, шумная возня.

– И кому предлагать? Мне?

Донесся до Врубеля гневный голос.

– Я в прошлый раз тебе уже все объяснил?

Послышались нечленораздельные слова.

– Чего ты не понял, Стайер? Того, что я рабами не торгую?

Сшибая на своем пути остатки поломанной изгороди, из отдельного кабинета в зал вывалилась парочка. Высокий мужчина пытался, бубня что-то себе под нос. На него наступал, держа за отвороты светлой куртки, лысый мужчина. Как потом объяснили Врубелю – тот самый легендарный Маньяк.

Лысина его блестела, отражая свет фонарей, подвешенных к потолку. А в глазах – отсюда хорошо было видно – плескалась такая ярость, что Врубель невольно позавидовал себе. Что не его волокли сейчас через зал.

От входа уже спешили к месту разборок два дюжих охранника, возглавляемые пышущим праведным гневом Бронтозавром.

– Маньяк! Ты совсем совесть потерял? – Бармен постарался взять инициативу в свои руки.

Воспользовавшись тем, что дайвер отвлекся, высокий резко дернул головой, пытаясь ударить противника. Но то ли сделал это недостаточно жестко, то ли просто не рассчитал. Мужчина охнул. В то же мгновение дайвер отпустил его, чуть оттолкнув от себя. Высокий согнулся в три погибели, закрывая рукой лицо. Между пальцами из разбитого носа струилась кровь.

– Какого черта? – возмутился Бронтозавр. – Маньяк, возьми себя в руки. Мне тут проблемы не нужны. Хочешь с ним разобраться...

– Ты, – прошипел тот. – С тобой еще отдельный разговор будет.

Два охранника – косая сажень в плечах – не спеша приближались, стараясь обойти возмутителя спокойствия с двух сторон.

– Ты чего, мужик? – деланно удивился Бронтозавр. – Я-то здесь при чем?

Он не договорил. В руках Маньяка появилась бутылка. И полетела через зал, в голову бармена. В последний момент тот успел пригнуться. Раздался звон. Бутылка угодила в зеркальную стенку за барной стойкой. Посыпались осколки, увлекая за собой водопад всевозможных горячительных напитков. Виски, водка, коньяк, – все потекло на пол, ломая стеклянные полки. Запах спиртного стал настолько сильным, что девица, сидевшая рядом с Врубелем, зажала нос.

– Вот это парень! – кокетливо хихикнула она.

– Маньяк! Остынь!

– Чего завелся?

– Да забей ты!

Со всех сторон к месту побоища подтягивались люди. Они пытались увещевать, призывая решить дело мирным путем. Кто-то, малость зарвавшись, рискнул оказаться в опасной близости от хулигана.

И был остановлен властным приказом:

– Не подходи. Убью.

В руках Маньяка словно сама собой возникла еще одна бутылка. Коротко, страшно он грохнул доньшком бутылки по столу. Ощетинившись острыми краями, в полутьме блеснула «розочка». Сочувствующих в единый миг как корова языком слизала. Началась суеда, столпотворение. Любопытство заставило Врубеля подняться, стряхнув с колена шаловливую ручку соседки, и протиснуться ближе.

По долгу службы охранникам некуда было деться, но, к досаде Врубеля, все кончилось быстро. Он ожидал море крови, вбитых в горло осколков, кишок, вывалившихся из разорванного брюха. Ничего подобного не произошло. Воспользовавшись передышкой, на Маньяка сзади бросился высокий мужчина, успевший придти в себя. В кровавых соплях, размазанных по лицу, со сломанным носом, горящий праведным гневом, он успел сделать несколько быстрых шагов.

Дайвер не видел, что творилось у него за спиной. И Врубель уже с удовольствием предвкушал, как высокий ударит хулигана – много ли надо для ума всерьез зарвавшемуся лысому?

Мгновенно, словно у него на затылке вдруг выросли глаза, дайвер повернулся. И тут же, с разворота, не останавливаясь, засадил ногой верзиле в живот. Тот охнул, взмахнул руками и добил спиной многострадальную стойку, и так держащуюся на честном слове после падения мужчины, первого вестника начинающейся разборки. Дерево треснуло в нескольких местах, сломалось, вниз посыпались обломки, накрывая тела.

Один из охранников наконец осознал, что хлеб надо отрабатывать и бросился на дайвера. Маньяк успел развернуться в последний момент. Он не стал пускать в ход «розочку». С левой, на подлете он нанес нападавшему сокрушительный удар в челюсть. Раздался хруст сломанной кости и продолжительный крик.

Второй охранник решил, что игра не стоит свеч. Он остановился и развел руки в стороны, показывая дружелюбность намерений. Отчего-то этот жест остудил хулигана. Замахнувшись, он послал грозную «розочку» в уцелевшее у стены стекло, добив тем самым бутылочную

выставку. Под стеклянный, нескончаемый перезвон Маньяк пошел к выходу, переступив через тушу толстяка, у которого так и не хватило смелости подняться.

Дайвер шел через заметно поредевшую толпу зевак. Прямой, негибаче, злой. И только напоследок бросил, саданув плечом Бронтозавра:

– С тобой еще будет отдельный разговор... Врубелъ потянулся, разминая затекшие мышцы. Так что, это Ухарю – с его двумя извилинами – не терпится на собственной шкуре испытать то, что сделало Маньяка легендой. Врубелъ свою шкуру берег. Он представлял, на что способен лысый мужик. Самое интересное – угадать момент, когда тот пойдет ва-банк. В том, что это произойдет не сейчас, Врубелъ не сомневался. А вот когда час хэ настанет, главное, выжить. Шлепнуть мерзавца? Если бы все решалось так просто. Трюкач бросил столько сил, средств, даже жизней, чтобы найти правильный подход к Маньяку. О чем это говорит? Только о том, что русалка для него – вопрос жизни и смерти. Так что вторая пуля будет ясно для кого. Даже в том случае, если с дайвером случится несчастье, нельзя рассчитывать на прощение. Врубелъ тоскливо вздохнул. С одной стороны подопечный Маньяк может грохнуть. С другой – достанет Трюкач. Этот найдет и на том конце света.

Маньяк не дурак. Залог его осмотрительности – девчонка. Но собственную игру начал, без сомнения. Что у него на уме? Убить сопровождающих? Вряд ли. В одиночку русалку не возьмешь. Тогда что? А может, Врубелъ зря приписывает ему столько качеств, не такой уж он крутой? Это тоже не требовало доказательств. Как ни старался парень скрыть от всех свою личную жизнь, но и на старуху бывает проруха. Вычислили его любовницу. Сколько усилий было приложено, чтобы компромат заполучить. Все без толку. И слежка была организована по всем правилам, и знали, что тот ныряет в подземку. Только там ходов-выходов до дури, на всех поворотах по бойцу не поставишь. Так что накрылась слежка медным тазом. Особенно после загадочной смерти Лиса. Нашли его в коллекторе, с перерезанным горлом. И Сэмвэла нашли. И Шустрика. Маньяк? Неизвестно. Может, гадость какая-нибудь в заброшенном коллекторе завелась. Своего – это Маньяка – не трогала. А нормальных мужиков на запчасти разбирала.

Вычислили логово дайвера случайно. Зазноба его проговорилась. Не в том месте, не в то время. Похвастаться подружке захотелось, с кем теплую постельку делит. Нет, знакомая не при чем. Но разговор услышал тот, кому и карты в руки. Так что на каждого крутого покруче найдется.

Игра началась. Главное – не пропустить, когда начнется заварушка, и первому стать у руля. Пусть Ухарь с Клещом считают, что все козыри у них на руках. Врубелъ оценил бы шансы фифти-фифти. И вот когда чаша весов качнется в одну или в другую сторону, Врубелъ будет думать. На чьей стороне жизнь, на той стороне и правда.

Остров Невезенья. Так называлось место, где они находились. С легкой подачи престарелого морского волка Гришука. Длинная узкая полоска суши, со всех сторон окруженная водой. Неширокая речушка делила остров. В большей части глубина ее не превышала метра, поэтому некоторое время предстояло пройти пешком, таща лодку волоком. Бросили жребий. Первому примерить на себя роль бурлака досталось Клещу. Он и потянул за канат, сопя от напряжения. Маньяк бодро вышагивал впереди – без автомата, вооруженный лишь ножом, оставленным ему исключительно для самообороны, перепрыгивал через множественные ручьи, расплзшиеся по сторонам от основного русла.

Речушка извивалась между камнями, изредка огибая валуны, и постепенно ширилась. Берега раздвигались, водный поток медленно перекатывался через места выступающие камни. По обеим сторонам реки чахла унылая растительность. Среди травы – странной по цвету, будто лишенной красок – тянулись ввысь деревья. Если конечно, так можно было назвать то, что росло наоборот. Узловатыми прутьями протыкая низкую облачность, виднелись частые ряды корней. Покрытые тонкими волосками, с налипшими кое-где комами земли, они произ-

водили удручающее впечатление. Там, где уродливые создания только пускали ростки, земля напоминала разрытую могилу, покрытую острыми кольями.

Врубель шел следом за подопечным, гася в душе приступы злости. Маньяк бесил его – идет себе налегке, только что не насвистывает какую-нибудь веселую хрень. Нестерпимо хотелось засадить в ненавистную спину пару-тройку пуль. Палец так и чесался на спусковом крючке. Не будь этой гребанной «легенды», может, и не пришлось бы пускаться в опасное путешествие. Сидел бы себе в Цитадели, изредка выбираясь по заданию в город, когда требовалось пришить кого-то из неугодных боссу людей.

– Эй, Врубель, – к нему присоединился верзила, – не нравится мне все это.

«Кому здесь понравится?» – подумал боец и промолчал.

– На хрена было сюда забираться? – не унимался здоровяк. Говорил он тихо, чтобы не слышал подопечный. – Может, мы плохо все обдумали? Как-то быстро все случилось. Я толком и не въехал.

– Мы же все обсудили, Ухарь.

– Обсудили. Тогда казалось, что выхода нет. Вот я и согласился. А теперь думаю, что надо было попытаться.

– Ты сам видел, братан.

– Да, видел, но...

Врубель его не слушал. План похода обсудили заранее. Единственное место, где русалок можно встретить всегда – Мертвое озеро. Именно туда неизвестно в силу каких причин сносило всех утопленников. Океан – когда-то источник жизни, теперь жестокий, расчетливый убийца – не отдавал своих жертв. Даже после смерти. Огромное, без видимых берегов пространство, окруженное неприступными скалами с многочисленными бухтами, выводящими к воде пещерами, подводными гротами. По свидетельству немногих, Мертвое озеро заполнено трупами под завязку. Вот там и обитали твари, питающиеся мертвечиной. Нет, трепещущая жертва им тоже была по вкусу, но кто же откажется от дармовщинки?

План обсудили заранее, и сразу же стало ясно, что кому-то свыше наплевать на расчеты. Коррективы начались сразу после отплытия. После трех часов относительно спокойного плавания выяснилось, что пути дальше нет. На полном ходу – хорошо хоть, Маньяк, сидевший на кокпите, успел заметить (что б ему пусто было) – чуть не вляпались в «тяжелую воду». Если не обратить внимания на водную гладь абсолютной чистоты, то выбраться оттуда практически нельзя. Можно врубать двигатель на полную мощность, можно потом грести до потери сознания – без толку. Ты не продвнешься и на сотню метров. Потом, через недели, месяцы, когда «тяжелая вода» исчезнет, в открытое море выбросит пустую лодку. Потому что все утопленники напрямик направляются в Мертвое озеро. В лучшем случае, на корм русалкам. В худшем? Человеческое сознание не в силах это описать. Поговаривали, что «тяжелая вода», как бы это точнее выразиться? Отходы Циклопа. А уж моча это или фекалии, умники не уточняли.

– Может, надо было попытаться? – все бубнил Ухарь. – Я сам, помнится, обогнул «тяжелую воду» – ее же легко вычислить, ты же знаешь. И ничего. Жив.

«Обогнул ты. Как же. Если бы тогда не Чегевара, хрен бы ты обогнул, придурок», – подумал Врубель.

В слух же сказал:

– На хрена так рисковать, братан? Ничего страшного не случилось. Ну, потеряем максимум полдня. Так что? Живы остались!

– Живы. Наверняка был другой выход. Я тогда согласился, а теперь...

– Теперь поздно. Думать.

– Согласен. Но впредь учти, что принимать решение буду я.

«Ага. Если бы мы ждали, пока ты надумаешь, до сих пор бы там и стояли, в теплых водах, доступные для пули любого мародера».

– Ты понял? – спросил Ухарь. – Трюкач не одобрит задержку.

«Да. Здоровяк задницу порвет за босса. А от Клеща вообще любой подлянки можно ждать. С полчаса идет за спиной, а между лопатками аж свербит», – подумал Врубель и кивнул головой.

– Я тебя понял.

– Отлично, – твердо сказал здоровяк. Хорошо еще, за горло не схватил, и за это ему спасибо.

Боец снисходительно усмехнулся, пытаясь спустить разговор на тормозах. Он хотел еще добавить что-то примиряющее и не успел.

Низкое гудение, словно они вошли в действие высоковольтной электростанции, заполнило воздух. Реакция оказалась настолько же мгновенной, насколько и бесполезной. Отчаянно взвыл Клещ, выпуская из рук канат. Трехэтажным, зло выругался здоровяк, сжимая в руках ненужный АДС.

– Вляпались!.. – Ухарь ругался без остановки. – Я же говорил! Говорил! Сука!

Он не сдержался, и выпустил очередь в сторону Маньяка, продолжающего идти как ни в чем не бывало. Тот на секунду сбавил темп, пригнулся и пошел дальше.

– Врубель! – орал Клещ. – Циклоп! Мы все подохнем!!

«И без тебя знаю, – устало подумал тот. – И то, что это Циклоп. И то, что сдохнем». Силы разом оставили его. Зачем суетиться? Это конец. Сейчас он получит ответы на все вопросы. Раз и навсегда. Боец опустился на камень, выставив вперед ствол. Он знал, что пули ничто для совершенного орудия убийства, но все равно рассчитывал выпустить всю обойму. Чуть позже, когда их накроет. В траву, укрывшись за валуном, рухнул Ухарь и принялся водить стволом, лоя прицелом цель, что могла появиться в любую секунду. Он ругался, не переставая. Таких заковыристых матюгов Врубелю слышать давно уже не приходилось. Истошно выл Клещ и, наконец, не выдержал. Перепрыгивая через окаменевшие русла высохших ручьев, он помчался прочь, закинув за спину автомат.

И только Маньяк продолжал неспешно идти вперед. Впервые Врубель подумал о нем с уважением.

Умеет держать марку, мерзавец.

Гудело без перерыва. От низкой частоты вибрировали камни, дрожала трава.

– Сука! Куда прешь!.. – бешено орал здоровяк. Видно, и его бесила чужая отвага на пороге грядущего небытия.

Пошла мелкой рябью вода в речушке, словно в стакане воды где-нибудь в поезде дальнего следования. От сильного звука закладывало уши. Циклоп охотился. Теперь не существовало методов спасения – ни чутья, ни везенья, ни умения прятаться или быстро бегать. Вся живая органика – смертники. Циклоп легко покрывал площадь более километра. Множество квадратных метров, где все живое долго и мучительно умирало, постепенно разлагаясь.

«Это наверняка будет больно, – мелькнула мысль у Врубеля. Скоро я узнаю об этом. Только рассказать будет некому».

Маньяк шел. Отсюда, с пригорка, было хорошо видно, как мелькала его спина, когда он, не торопясь, перескакивал через камни. Ухарь оставил попытки его достать. Он замолчал, исчерпав запас матерных слов, и лежал в траве молча, часто и тяжело дыша. Врубель смотрел дайверу в спину: интересно, этот чудака идохнуть будет весело, с шутками и прибаутками? И правда Маньяк. Теперь понятно...

Додумать он не успел. Дайвер остановился, словно напоровшись на невидимую преграду. На реке стал вздуваться пузырь. Радужная пленка, покрывающая нечто, дрожала над водой, растягиваясь от берега до берега. Сфера пучилась, все выше поднимаясь над поверхностью реки. И вдруг лопнула, выбросив вверх игольчатый шар диаметром метра полтора. Зелено-вато-серый, ноздреватый, покрытый наростами, он завис в воздухе. И в тот момент, когда до

Врубеля стало доходить, как сильно они ошиблись, шар словно взорвался изнутри, вытянув по сторонам прозрачные щупальца. Почему ни одно из них не коснулось Маньяка, осталось загадкой. Там, где конечности твари дотронулись до деревьев, мгновенно вспыхнула кора. Синее пламя, гудя, рванулось вверх. Подул ветер, раздувая пожар.

И в ту же секунду прямо в незащитное нутро, освобожденное от игл и щупалец, брошенный рукой Маньяка полетел нож.

Врубель вскочил, нажимая на спусковой крючок. Спустя миг к нему присоединился и здоровяк.

– Морская звезда! Вот мы идиоты! – заорал Ухарь, выпуская очередь в красноватое, с синими прожилками нутро твари. Лупил короткими очередями Врубель, метя точно в центр.

Однако все это было уже лишним. Острие ножа угодило прямо в сердцевину. Тварь схлопнулась, втянула внутрь щупальца и с шипением рухнула в реку, подняв тучу брызг. Клубы пара скрыли ее с глаз. Потом ноздреватый шар, потерявший форму, выплыл из дымного воздуха и покатился в лес огромной шаровой молнией. За ним потянулась огненная дорожка.

Маньяк стоял, развернувшись, глядя на них. На его лице, озаренном пламенем, горела улыбка. Отблеск огня плясал на черепе, таял в абсолютно безумных глазах.

– Эй, парни, – спокойно сказал он. – А вам не кажется, что мне нужен еще один нож?

6

Серая громада девятипалубного океанского лайнера навеки застыла на приколе. На обшарпанных боках некогда роскошного судна темнели ржавые разводы. «Призрак» – краснела надпись на носу – неуклюжая, с неровно прописанными буквами и тянущимися вниз потеками. Издалека казалось, что написано кровью. Часть уцелевших иллюминаторов белесо отражала дневной свет, слепо таращась на швартующиеся лодки. Нижняя часть опущенного трапа касалась деревянного настила. За вбитые крюки цеплялись канаты многочисленных лодок и яхт всех мастей. Их было так много, что Марго, пытающаяся прикинуть количество людей на «Призраке», сбилась со счета.

Девушка долго не могла придти в себя после смерти несчастного парня. Ей не хотелось смотреть ни только на пассажиров, прибывших с ней, но и на Робинзона с Шефом. Они все улыбаются, радостные от того, что избежали гибели. И это бесило больше всего! Если бы они все навалились тогда, длинноволосого парня наверняка удалось бы спасти!

– Февраль, – примирительно сказал Робинзон, протягивая ей руку, чтобы помочь сойти с лодки на помост.

Она бросила на него полный досады взгляд, отказавшись от помощи. И боковым зрением отметила, как удивленно покосился на них толстяк, идущий следом. Все. Дело сделано. Может, надо было съездить ему по физиономии, чтобы видели все и сразу сделали вывод – насмешек она не потерпит.

Шаткий трап дрожал, пока они всем скопом поднимались на борт. В холле было грязно. В длинноворсовом некогда ковролине на полу зияли, обнажая палубу, прожженные дыры. Обшарпанные настенные панели цвета морской волны покрывала сеть трещин. В углу, подсвеченная странными бородавчатыми пузырями застыла изрешеченная пулями стойка. И только арка металлоискателя по-прежнему радовала глаз безупречным серебряным блеском.

Вновь прибывших встречала группа вооруженных до зубов людей.

– Добро пожаловать на борт, покойнички!

Откуда-то из бокового коридора вынырнул бойкий, жилистый мужчина, сплошь покрытый татуировками на видимых частях тела.

– Шутки у тебя, Вовчик. – Капитан той лодки, на которой они прибыли, обогнал зазевавшуюся девушку и протянул руку для приветствия. Тот, кого называли Вовчиком, пожал ее, потом подмигнул Марго, окинув ее таким цепким взглядом, что ее бросило в жар. Вдруг показалось, что мужчина вычислил ее в два счета. Уж лучше сойти за голубого, чем за девчонку! Еще не хватало оказаться здесь одной, в компании сотни разгоряченных мужиков! И только заметив, как Вовчик точно так же подмигнул невысокому парнишке, сходящему с трапа на палубу, она успокоилась.

– Проходите, чувствуйте себя, как дома, – дружелюбно наставлял Вовчик. – На пятой палубе к вашим услугам варьете, на шестой казино. На «Призраке» имеются пять бассейнов, способных удовлетворить самого взыскательного клиента. Шесть баров, и разумеется, бар четыре икса, для понимающих толк в красоте женского тела. У нас тут их немного. Всего одна девочка. Зато какая... Жгучая штучка!

Кто-то из прибывших заржал, как жеребец на выгуле.

– Один знаток, я вижу, есть, – усмехнулся татуированный. – Кроме того, на нижних палубах сауна, бильярдная и еще один бассейн с выходом прямо в открытое море. Это для любителей экстрима...

В толпе опять засмеялись.

– Хорош заливать, – поморщился капитан и милостиво добавил. – Эй, салаги, кому интересно – кабак, где можно промочить горло, выше уровнем, по трапу.

- Точно, – подтвердил Вовчик. – Только прощения просим, лифты ни хрена не работают.
- Всегда, наверное, – ухмыльнулся навигатор.

Марго информацию уяснила. Взглядом показав Робинзону на лестницу, она не успела сделать и нескольких шагов. Ее остановил Вовчик.

– Эй, парень, – негромко сказал он. И несмотря на возникший шум, его слышали все. – Я еще не дал распоряжения уходить. Пойдешь, когда я скажу. Огнестрельное оружие на борту использовать запрещено. Тот, кто нарушит закон, упокоится на морском дне. Это ясно?

Ему не ответили. И тут на глазах у Марго из суетливого рубахи-парня Вовчик превратился в того, кем и был – хозяина «Призрака».

- Я не слышу! – рявкнул он.
- Все понятно!
- Так ясно же все!
- Не первый раз, Вовчик, все понятно.

Пока каждый считал своим долгом ответить, Марго молчала. Она всегда плыла против течения.

Татуированный обернулся и посмотрел прямо на нее. Пока он ждал ответа, она успела рассмотреть причудливые изгибы линий, сбегających со лба на щеки, змейку из маленьких иероглифов, ползущую по подбородку вниз, за воротник. Он тоже был бритым, как и Маньяк. Но издали казалось, что на голове росли волосы – настолько часто крестили череп тонкие темные линии. Марго четко уловила момент, когда не стоило дальше искушать судьбу.

- Я все понял, – ответил она.
- Тебя как кличут, парень? – тихо поинтересовался Вовчик и шагнул к ней. В тот же миг, мягко, но настойчиво оттирая зазевавшихся локтями, рядом обозначился Шеф.
- Босс, в чем дело-то? – вставил слово Робинзон, но хозяин «Призрака» его не слушал.
- Февраль, – назвалась Марго.

Вовчик последовательно оглядел Шефа, потом скользнул по Робинзону и, наконец, остановил взгляд на ней.

– Ясно. Значит, безбашенный. Тогда слухай сюда: ты тут будешь на особом счету. Глаз с тебя не спущу. Мне тут проблемы не нужны. Усек?

- Да. – Из-под крыла бейсболки девушка окатила татуированного холодным взглядом.
- Добро, – медленно процедил Вовчик и отвернулся. – Все свободны. Кому нужна каюта или медикаменты, все вопросы к нему, – он показал на худого мужчину в камуфляже.

Не обращая больше внимания на хозяина, под приглушенный шепот Робинзона «не лезь на рожон, Февраль!» Марго поднялась по лестнице, разглядывая свое отражение в уцелевших зеркалах. И осталась собой недовольна. То ли мужиковатая девчонка, то ли женственный парень. Может, следовало снять бейсболку? Чтобы стриженный ежик русых волос отвлекал внимание от походки, напрочь лишенной брутальности?

Двигаясь по холлу в единственно возможном направлении, уверенно расправив плечи, девушка старалась пошире расставлять ноги. В длинном коридоре, ведущем в зал бывшего варьете, напротив разбитых видовых окон, на продавленных диванах сидели дайверы. Кто-то курил, кто-то сжимал в руке стакан. Слышались приглушенные разговоры, перемежаемые отдельными выкриками. Стоял мерный гул.

У одного из окон Марго остановилась и вгляделась вдаль. Текущая водная гладь, покрытая пенными барханами, сливалась с горизонтом. Ветер нес седые облака, изредка обнажая проплешины, в которых угадывалась небесная синь. Слева тучи сгущались и по туманным полосам, стянувшим небо и море, видно было, что там идет дождь. Внизу, у причала теснились лодки, яхты. Словом, тоскливый пейзаж, в котором присутствовала некая притягательность. Притягательность нового Океана... Океана, заселенного чужими... Страшного и завораживающего одновременно...

Девушка заставила себя отвести взгляд от гипнотического зрелища и то только после того, как Робинзон спросил:

– Ты есть будешь?

– Все буду, – отозвалась она.

– В смысле?

– И есть. И пить. Водку.

Робинзон хмыкнул.

– Понял. Идите, устраивайтесь за столом, я сниму нам каюту. И принесу поесть.

Марго кивнула и вошла в зал, не ожидая сюрпризов. Она пошла было дальше, высматривая свободный столик, и тут же остановилась как громом пораженная. Открыв от изумления рот, она разглядывала ее. Прекрасную и ужасную. Русалку.

В центре зала, на месте предполагаемой сцены, огороженный невысокой металлической решеткой с устрашающей надписью «Не подходить! Опасно!», возвышался круглый аквариум. В завораживающе прозрачной синеве плавало странное создание, издалека действительно похожее на мифическую полудеву-полурыбу. С той лишь разницей, что никакого хвоста здесь не было.

Кожа русалки светилась. Складывалось впечатление, что на девичье тело ниже пояса будет надет один чулок, стянувший ноги. Тонкая ткань не скрывала подробностей – длинные, стройные, почти совершенные ножки, сведенные вместе. Два круглых шарика без сосков напоминали грудь. Пластичные руки с пальцами, соединенными перепонками касались стенки аквариума. Но самое странное – голова со стеклянными волосами. Хрустальные нити колыхались в воде, мягко переливаясь в свете фонарей, падающем сверху. Огромные, черные, печальные глаза, маленький носик без ноздрей и изящный рот почти в форме сердечка.

Марго подходила ближе и с каждым шагом проступали подробности. Острые, абсолютно прозрачные когти, венчающие пальцы. И уплотнения вместо грудей, словно закрытый бутон из сложенных лепестков. И маленький рот, оказывается, имел продолжение едва ли не до ушей. Или по крайней мере, до того места, где они должны быть. Руки и ноги покрывали белесые, чуть раздувшиеся линии. Но глаза...

Не доходя нескольких шагов до предупреждающей надписи, Марго остановилась. Да, ей не хотелось бы видеть, как откроется этот ротик, в котором при желании – не ее желании, естественно – могла поместиться голова.

– Эй, новичок...

Услышала она и ухом не повела.

– Ты слышишь меня? А ты парень или девка?

– Иди ты на... – рассеяно отозвалась она, послав задающего вопросы так далеко, как смогла.

Сзади хмыкнули.

– Да ладно, шучу я. Понравилась зверушка?

Голос не отставал и Марго обернулась. Прямо перед ней, ухмыляясь, стоял темноволосый парень, ростом не выше ее.

– Будем знакомы. Хасан я. Садитесь за мой столик, а то поговорить не с кем. Все прям такие занятые...

Марго не видела препятствий к продолжению знакомства.

– Я Февраль, – представилась она. – Это Шеф. С нами еще парень, он подойдет позже.

– Отлично, всем места хватит. – Хасан пошел, лавируя между столиками. Потом плюхнулся на стул и кивнул на свободные места.

Девушка не заставила просить себя дважды. Стол был грязным, в ожогах от потушенных сигарет. Перед новым знакомым стояла тарелка с недоеденной рыбой и пара банок пива.

– А то, блин, все такие деловые, – добавил он попозже, когда Марго подвинула стул так, чтобы видеть застывшую в густой синеве русалку.

– Давно здесь? – чтобы поддержать разговор спросила она.

– На «Призраке» или в море?

– Да по-всякому.

– Давно уже. Года три. Хожу помощником навигатора на «Крокозябле».

– Что это за Крокозябля?

– Лодка такая. Капитан так назвал. А я что, спорить буду? Заработаю на свою, тогда и назову, как захочется. А вы чего здесь забыли? За каким чертом первый раз сюда поперлись? Любопытство доконало?

– С чего ты взял, что первый раз?

– Так на лбу – у тебя особенно – написано, – усмехнулся парень. – Вон как на русалку уставился.

– Можно подумать что ты, – внезапно набычилась Марго, – каждый день с ними сталкиваешься. Только хорош врать.

– Врать не буду. Но пару раз видел. Однажды вообще – всех пассажиров из лодки вытаскивала. Ну... почти всех. Ужас, что было. Море крови. До сих пор на лодке пятна не смываются. Жуткая тварь.

– Я вообще не думал, что русалку можно в каком-то аквариуме удержать...

Марго не договорила, Хасан рассмеялся.

– Ты что, парень? Какой это тебе аквариум? Ты ж полчаса возле нее стоял, неужели «сетки» не заметил?

– Какой сетки? – нахмурилась Марго.

– А я знаю, какой? Хрень такая прикольная... не дай, бог, конечно, столкнуться. Типа ловушки, что ли. А может, живая. Тоже хищник, почище русалки. Короче, прочная штука с мелкими чешуйками. Поймает – считай смерть твоя пришла. Нам, конечно, пары минут за глаза и за уши. Долго мучиться не придется. – Хасан потянулся за пивом.

– Да? – не поверила девушка. – А чего ж эта тварь недохнет? Сколько она уже там?

– Всегда.

– Не понял...

– Чего тут непонятного? Когда началась вся эта заварушка... Я плохо помню то время, мне двенадцать было. Короче, когда страсти чуть поутихли, дайверы стали в море выходить и прибирать к рукам все, что плохо лежит. Вот Вовчик кораблик этот и надыбал. Он тогда, правда, еще «Принцесса Мария» назывался. Так когда Вовчик с командой сюда зашли, тут тварей было до дури. Ну и... русалка эта уже в ловушке сидела.

– И чего? Она все эти годы так и живет без жратвы?

– Ну ты, парень, вообще фишку не рубишь. Я ж тебе говорю: «сетка» это! Почему ого-рожено и надпись такая ты тоже не врубился?

– Да объясни толком! – сорвалась Марго.

– Я и говорю. Это ж «сетка» – все, что окажется в радиусе около метра от нее, к себе затягивает.

– Не фига себе... А я еще потрогать хотел...

– Так и потрогал бы, мужики бы хоть развлеклись...

– Добрый ты.

– Это есть. Вот с тех пор Вовчик и кормит это, чтобы оно недохло. Я бы на его месте еще и бабки рубил, как в зоопарке. За просмотр.

Девушка заметила, как в зал вошел Робинзон, держа в руках по тарелке. Марго поднялась и махнула ему рукой.

– Вот, все, что было. – Он поставил на стол тарелки с дымящейся рыбой. – Сейчас еще принесу.

– Хасан, – новый знакомый протянул руку. Робинзон представился и ответил на рукопожатие.

Рыба пахла восхитительно – небольшая, толстая, похожая на средних размеров кефаль, начиненная специями, с обожженной на открытом огне хрустящей корочкой. Марго едва дождалась, пока Робинзон донесет остальное. Только опрокинув в рот стопку водки, целиком, по-мужски, не деля на глотки, девушка позволила себе расслабиться.

– Не знаю как тебе, – тихо сказал Робинзон, поддержав ее и тоже пропустив рюмку. – Но мне будет спокойнее, когда завтра здесь появится Маньяк...

Он сказал тихо, но Хасан расслышал.

– Маньяк? Ни хрена себе вы навигатора себе нашли. Тот самый Маньяк?

– Он самый. – Несмотря ни на что, Марго почему-то приятно было слышать эти слова.

– Да уж. Легенда эта настоящая, Маньяк. С ним не пропадете. Денег, правда, много берет, да и привередливый больно. Захочет – поведет, а не захочет – не поведет. Я три года назад начинал, так уже тогда про него столько всего рассказывали.

– Я в курсе, – отрезала Марго.

– И про «звездную пыль»? – не унимался Хасан. – Что это еще за пыль?

– Ну штуковины такие со шкуры самого Циклопа. Дохлого, правда, но... Хрен тут кто-нибудь Циклопа вообще видел. Любого. Да и слышали единицы. А Маньяк достал. Грибы, что ли. Посадишь их в землю, они растут и светятся. Типа фонарей. И вырасти могут хрен знает до каких размеров. Вы что, и в парке в городе не были?

– Были. Я вспомнил, – поддержал разговор Робинзон. – Весь парк ими усыпан. Я еще подумал, на фига такая роскошная иллюминация в безлюдном месте.

– А чего этим грибам сделается? Растут себе. Споры уже все по дворам растащили. Удобно. Такой он, этот Маньяк. А еще...

– Хватит о нем, – отмахнулась Марго. – Я думал, русалка ужасная. А она даже... Красивая по-своему.

– Красивая, – усмехнулся Хасан. – Сейчас жрать начнет, посмотришь, какая она красивая.

Вон Битюг тоже считал, что она красивая, – он тяжело и продолжительно вздохнул. – После того случая и ограду поставили. От дурней всяких, вроде тебя...

– Эй, парень, – Марго подалась вперед. – Ты говори, да не заговаривайся.

– Он мне другом был, Битюг, – новый знакомый ее не слушал. – Два года в море с ним ходили, столько всего пережили. Он вторым помощником у навигатора был. Хороший парень.

Хасан потянулся за банкой с пивом и осушил остатки одним глотком.

– Так что случилось? – не выдержал Робинзон.

– То и случилось. Все стоял часами, тварь эту разглядывал. Особенно, когда выпьет. И эта гадина тоже вылупится на него своими жалобными кошачьими глазами и смотрит, смотрит, не моргая. Руками своими дотронется до стенки и висит в воде. И волосы блестят. И главное, Битюга даже не отпугивало, когда корм ей бросали. Все равно, говорит, красивая она. Просто совершенство.

Хасан замолчал, тоскливо разглядывая что-то на столе, видимое только ему.

– Так что случилось? – уже настойчивее спросил Робинзон.

– Мне и в голову не приходило, что такое может произойти, – не слыша вопроса, продолжил Хасан. – Это... безумие какое-то. Может, он с ума сошел. Загипнотизировала она его, а?

Ему никто не ответил. Все ждали продолжения.

– Стоял Битюг, стоял, – наконец, снова заговорил новый знакомый. – Все любовался красотой своей. И однажды просто шагнул вперед. Сетка втянула его мгновенно. И... красотка

эта совершенная сожрала его в два счета. Никто и глазом моргнуть не успел. А что сделаешь? Орала все как резанные.

Кто и пальнуть успел. А что толку-то? Битюг умер сразу – она по горлу его резанула. Вода красной стала... А потом, когда она живот ему вспорола и стали оттуда кишки вываливаться... И в них, как в змеях, тварь эта плавала... Короче, не выдержал я, отвернулся...

– Ладно, Хасан, оставь, – сочувственно сказала Марго. И подвинула ближе еще одну банку с пивом. – У нас сегодня тоже парень погиб, пока мы сюда добирались.

– Русалка? – парень отвлекся от тяжелых воспоминаний.

– Не-а. Мертвяки.

Хасан кивнул.

– Совсем обнаглели в последнее время. Видно, переполнилось трупами Мертвое озеро. Нет там места для них. Помянем. Не чокаясь.

Они выпили.

– Странно, – задумчиво потянула Марго. – Говорили, что русалки амфибии. И значит, передвигаться могут и по суше. А я вот вижу – ни хрена не могут. У нее ж ноги вместе.

– Ага, – преувеличенно поддакнул Хасан. – Ты ее сюда выпусти, сразу увидишь, как ноги у нее разлепятся и тварь эта и по потолку бегать будет.

– По потолку? Да ладно, – не поверил Робинзон.

– Вот тебе и ладно! Кожа у нее... С присосками, что ли. И по стенам, и по потолку ей пробежаться как делать не хрен. Это в воде она... как бы это сказать, в общем, пощадить может. Я знаю людей, которые видели ее и в живых остались. Сытая, может быть? Так что в море – это русская рулетка. А вот на суше у нее башку напрочь сносит. Уже не ради пропитания она убивает все, что движется...

Внезапно взвыла корабельная сирена. Да так, что Марго едва со стула не упала.

– Что это? – в один голос спросили они с Робинзоном, хватаясь за оружие.

– Представление начинается, – усмехнулся новый знакомый. – Надо ж парням как-то развлекаться. Красотку твою сейчас кормить будут.

Зал оживился. Загудел. Те, кому было плохо видно, встали со своих мест. Те, кого все достало, уходили. Марго не двинулась с места – отсюда обзор был что надо. Из бокового коридора танцующей походкой вышел светловолосый парень, почти мальчишка. Тонкий, подвижный. В руках он нес здоровый черный ящик.

– Давай, Вирус, не подкачай! – крикнули из зала.

– Покорми животинку! – поддакнули ему.

– Что б на нас, тварь, рот не разевала! – закончил кто-то под оглушительный свист.

– Ну ты-то аппетитный, Хлыщ. Прямо лакомый кусочек!

– Точно, ей бы надолго хватило. Еще и заначек бы наделала на черный день!

В зале заржали.

Мальчишка в облегающем черном костюме никого не слушал. Словно фокусник он поставил черный ящик на ближайший столик и поднял руки, напрашиваясь на аплодисменты. И не двинулся с места, пока не дождался. Раздался свист, рукоплескания. Кто-то ругался матом, подначивая мальчишку.

– Ты хочешь кушать, детка? – громко сказал парень и помолчал, пережидая всплеск очередных комментариев в зале. – Да, ты хочешь кушать, девочка моя.

Странное создание парило в воде, отрешенное, абсолютно не реагируя на происходящее. Хрустальные нити мерно колыхались, вспыхивали искры, отражая свет фонаря. Огромные, печальные глаза, не отрываясь, следили за мальчишкой.

– Сегодня я побалую тебя, моя девочка! Сегодня никакой рыбы! Только свежатинка!

Русалка смотрела на него. Ее тонкая рука с перепонками между пальцами касалась прозрачной стенки.

– Да, детка, да! – возбуждающе понизив голос, сказал мальчишка. – Посмотрим, что у меня есть для тебя.

Парень в трико распахнул ящик и тут же сунул в него руку.

– Давай, Вирус, не тяни! – не выдержал кто-то в зале.

Вирус вынул руку и под оглушительные вскрики и свист за уши выудил на свет божий зверушку, похожую на огромного рыжего кролика. Зверек трепетал в его руках, отбиваясь задними ногами. Парень сделал шаг к ограде и поднял кролика выше, дразня русалку. Та висела в воде, казалось, не обращая на зверька внимания.

– Нагуляла аппетит, детка? Да?

Дождавшись очередного взрыва эмоций, мальчишка медленно, хорошо рассчитанным движением перебросил кролика через ограду. Зверек мелькнул в воздухе, в последний раз дернув задними лапами. Он не долетел до прозрачной стенки буквально полметра и по всем законам физики, должен был упасть. Но так не случилось. На секунду он завис и вдруг – словно сработал гигантский пылесос – кролика втянуло в аквариум. И тут же, мгновенно, без всяких переходов случилось преобразование.

Вода забурила. Издалека казалось, что голова русалки раскололась пополам. И то, что распахнулось во всю ширь, назвать ртом было нельзя. Острые ряды зубов – сверху и снизу разошлись, вытолкнув из красного с черными пятнами нутра нечто похожее на длинный язык. Розовато-серая петля захлестнула шею несчастного животного. Пока кролик бился в агонии, вспенивая синеву, тело русалки, державшей его на привязи, стало меняться. Вдудились жилы на хрупких конечностях, которые Марго приняла за шрамы. Что именно произошло с выпуклостями, напоминавшими женскую грудь, заметить было невозможно. Мелькнуло багровое, и в беззащитное тельце зверька ударила зеленоватая струя. Прямо на глазах рыжая шерсть стала меняться. Складывалось впечатление, что она странным образом горела. Почернела шерсть, сползая полосками вместе с кожей. Молниеносными движениями тварь несколько раз полоснула когтями по освежеванному тельцу. Пока бесформенная плоть втягивалась в распахнутую пасть, в красной от крови воде кружились ошметки мяса и клочки почерневшей шерсти.

– Господи, – после долгой паузы сказала потрясенная Марго. – Как вы все тут не боитесь!

– Чего? – не понял Хасан.

– Что в один... ужасный день вся эта ваша сетка лопнет и... Вы ж не знаете, какой у нее срок действия? Кто проверял? И это чудовище выйдет на свободу. Что тогда?

– Тогда... Тогда большинство и обоссаться от страха не успеет. Это будет большая и кровавая бойня.

7

Сам виноват. И это бесило больше всего. Если бы существовала хоть малейшая возможность спихнуть вину на другого, Клещ так бы и сделал. Но винить некого – сам напросился. И приключений на задницу заработал, исходя из принципов, что вели по жизни последние годы. Один из них гласил: надо быть на виду у босса, но на рожон не лезть. Оставаться в тени – удел либо шестерок, либо сильно крутых. Как показывала многочисленная практика, участь тех и иных ждала одинаковая. От шестерок Трюкач избавлялся в первую очередь. Они для того и существовали, чтобы гибнуть десятками, не оставляя в памяти даже кличек. С крутыми ребятами дело обстояло почти также. Правда, с оговорками. Босс терпеть не мог конкурентов. Если у такового хватало мозгов, он жил. Ровно до того времени, пока мысли о собственной неуязвимости не туманили ему голову.

На памяти Клеща не было ни одного случая, чтобы кто-то решился в открытую бодаться с Трюкачом. Но несанкционированные начальством исчезновения с целью начать новую жизнь, происходили частенько. Из Цитадели никто не уходил живым. А если и уходил, то живым оставались недолго. Такой вот парадокс.

Руки у Трюкача были не просто длинными, они были безразмерными. Ходили слухи, что в Цитадели, в подземных казематах, он ставит опыты над людьми, выращивая из них безотказных киллеров, используя всякие новомодные штучки на основе «янтаря» или «гремучей смести». Или вообще – «снежка». Вшит такой «чип» в мозг и до поры не дает о себе знать. Но стоит его активировать какой-нибудь бессмысленной фразой, типа, «слоны полетели на юг», и человек делает то, что было заказано. Сам, порой, не подозревая, что носит в голове мину замедленного действия. Шептали, что Врубель – один из таких. А так ли это, кто знает?

Трюкач не прощал обид. Не удалось избежать печальной участи даже Маршалу, сбежавшему, казалось бы, на край света. Его достали в Китайском городе. Не ближний свет.

А прятаться Маршал умел. По крайней мере, так говорили. В кругу проверенных людей и так, чтобы никто не слышал. Клещ подобные слова на веру не принимал. Где они, эти «друзья», когда в наше время даже стены имели уши? С его точки зрения, крутые ребята не высовываться не умели. Это тоже был один из принципов – кроме денег и спасения собственной шкуры – который ставился во главу угла. Стоило провести в безвестности, хоть и на другом конце света, некоторое время, как желание выделиться вымывало с души чувство самосохранения. И как морфин заядлому наркоману, требовались все эти сантименты, подтверждаемые кивком, исполненным благоговения: «Вот он, смотри, тот самый, легендарный»... Маршал-Провайдер-Японец. И Маньяк. Куда же без него?

Смерть крутому Маршалу досталась самая что ни есть банальная. В однокомнатную одинокую квартиру, недолго сомневаясь, подкинули «пиявку». Безобидная вещь. Если, конечно, не спать. Но стоило погрузиться в объятия Морфея, как крошечное создание заползло в ушную раковину. Резкий выброс эндорфина погружал спящего в состояние эйфории, в то время как еще до наступления утра мозг превращался в червивое яблоко. Выжить можно, никто не спорит. Если утром «страдальца» находили – с блаженной улыбкой лежащего в куче собственных фекалий – и волокли к знакомому хирургу. Но кому после нужен идиот, пускающий слюни и справляющий под себя естественные потребности? Все родственные связи канули в небытие. От любви и жалости остался один пшик. Женщины ненавидят слабаков. Братья-сестры-родители? В лучшем случае, их разбросало по свету. В худшем, их прах развеян над морем во время пожаров, сменивших многочисленные цунами, над морем, остервенело пожирающим все, что уцелело.

Был еще вариант. Встретить потерянных родственников в Мертвом озере. По свидетельству немногих очевидцев, там мертвяков миновал обычный процесс распада. То ли вода обла-

дала исключительными свойствами, то ли очередные инопланетянские штучки, то ли вообще не существовало никаких разумных объяснений. Данность принималась на веру. Клещу бывать на легендарном озере не доводилось. Пока. И вот скоро на собственной шкуре ему предстояло убедиться, так ли страшен черт...

Или еще страшнее.

Тихо урчал электродвигатель, толкая лодку в неизвестность. Сплошная облачность сгустилась у горизонта, но видимость была хорошей. Грязно-серая вода пенилась у бортов, разбивалась в брызги у каменистых берегов редких пустынных островков.

Жалкие клочки суши цеплялись за осколки цивилизации. Вдруг спускались к самой воде и обрывались в никуда каменные ступени. Уцелевший парапет, некогда огораживавший набережную, венчала женская статуя без головы. Из каменных складок платья ветер выдувал длинные листья водорослей. Они колыхались в воздухе, но стоило ветру стихнуть, медленно опадали, касаясь воды.

Внезапно проступал из моря и снова уходил под воду участок автостреды. С одиноким фонарем, трещинами, бороздящими асфальт, и остовами искореженных, ржавых машин. Кабины с выбитыми стеклами и распахнутыми дверцами давно облюбовали новые «пассажиры». Огромные крабы на паучьих ногах не спешили разбегаться при появлении незваных гостей. Они медленно выбирались на крыши, капоты и провожали пришельцев тонкими дрожащими усами антенн.

Или неожиданно тянулись из воды железобетонные стены с перекрытиями, давно потерявшими вторую опору. Выбитые двери и провалы окон с уцелевшими кое-где осколками вели в темноту. А там, в свалке из стекла, камня, арматуры, ворочалось что-то живое – огромное, быстро текущее во тьму, почуявшее приближение чужаков.

Клеща мало интересовало то, что происходило за бортом. Его взгляд словно притягивал Маньяк, вальяжно развалившийся на носу лодки и улыбающийся во все свои тридцать два зуба.

«Скалится, гаденыш, – подумал Клещ и с досадой отвернулся, – некому пересчитать тебе зубы».

Ни с чем не сравнимое удовольствие парень испытал на острове, когда Ухарь вцепился мерзавцу в глотку. Сразу всю спесь с того в один миг сшибло. Еще бы. За такую «шутку» в Цитадели дайвер зубами бы не расплатился. Соплями бы кровавыми умылся, если бы вообще жив остался. Нашел с кем шутить, с Ухарем! Клеща, может, тоже достало то, что тот постоянно прикладывает к фляге. Как только привал – лезет в рюкзак, вынимает из бокового кармана и хлоп по глоточку. Все знают, примета дурная – в море алкоголем баловаться. Только хрен из них кто рискнул замечание здоровяку сделать! И тут Маньяк, сразу после привала, когда они лодку по мелководью тащили, дождался, пока Ухарь из фляги заветной хлебнет и хитро так прищурился.

– Как коньячок? – говорит. – Нормальный?

– Как всегда, – жмет плечами здоровяк. – А тебе что, ежик кучерявый?

– Да мне-то ничего. Я думал, вкус изменился после того, как я поссал туда на привале...

У здоровяка крышу снесло. Клещ вдруг решил, что не сдержится Ухарь и доведет дело до конца. Но все обошлось, к полному разочарованию парня. Никто не сомневался, что пошутил дайвер – ничего подобного и быть не могло. Только Ухарь после этого инцидента о фляге забыл. Оно и понятно – пить ему было запаadlo.

Тонкий, заунывный звук сначала на грани слышимости, постепенно оформился в леденящий душу скрип. По правому борту выплыл крохотный остров с детской площадкой. На каменистой, выветренной земле гнездились мхи. Зеленоватые нити водорослей, спускающиеся с обшарпанной горки, плотно опутали огромную, в рост двухлетнего ребенка, куклу. В короткие, некогда рыжие волосы вплелись грязно-коричневые пряди, шею плотно захлестнула петля лианы. Младенец улыбался. Во рту, в распахнутых пухлых губах виднелся единственный зуб.

Широко открытые глаза не сводили с непрошенных гостей безумного взгляда. Ветра не было. И, невзирая на это, качели двигались. Протяжный, тоскливый звук плыл над островом, венчая безрадостную картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.